

КРАСНЫЕ ЛОШАДИ

Annotation

Погодин Р. П.

П 43. Красные лошади: Повести и рассказы / Рис. Б. Чупрыгина. – М.: Дет. лит., 1986. – 398 с., ил. – (Золотая б-ка). – Для младшего и среднего школьного возраста.

Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 20 к.

В книгу вошли известные произведения писателя: «Кирпичные острова», «Рассказы о веселых людях и хорошей погоде», повести «Красные лошади», «Книжка про Гришку» и др.

ИБ № 8820

Ответственный редактор *Л. Г. Тихомирова*

Художественный редактор *А. Б. Сапрыгина*

Технические редакторы *В. К. Егорова* и *И. В. Золотарёва*

Корректор *Е. А. Сукиян*

-
- [КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА](#)
 - [КАК Я С НИМ ПОЗНАКОМИЛСЯ](#)
 - [КТО НАГРЕЛ МОРЕ](#)
 - [НЕПРИЯТНОСТЕЙ НЕ ОБЕРЕШЬСЯ](#)
 - [СНЕЖИНКА](#)
 - [ПИРАТ](#)
 - [ЧИЖИ](#)
 - [ПРОСТО ИСТОРИЯ](#)
 - [ВЗРЫВ](#)
 - [ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ](#)
 - [КОПИЛКА](#)
 - [СИМА ИЗ ЧЕТВЕРТОГО НОМЕРА](#)
 - [КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА](#)
 - [ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ](#)
 - [notes](#)
 - [*](#)
 - [–](#)
-

КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА
Рассказы про Кешку и его друзей

КАК Я С НИМ ПОЗНАКОМИЛСЯ

Есть у меня друг – замечательный человек и хороший геолог. Работает он на Севере, в Ленинград приезжает редко, писем совсем не пишет – не любит. От людей я слышал, что семья моего приятеля переехала на другую квартиру. Я поспешил по новому адресу: авось узнаю что-нибудь о товарище, а повезет, так и его самого увидаю.

Дверь мне открыл мальчишка лет восьми-девяти. Он показался мне немного странным, все время поеживался, на меня не глядел, прятал глаза. Мальчишка сказал, что друг мой ушел утром и еще не приходил. Говорил он не разжимая рта, сквозь зубы, и очень торопился. Наверное, я оторвал его от интересной игры. Ну, а мне торопиться некуда. Я вошел в комнату, сел на диван и стал читать книгу. Прочитал страничку, прочитал другую, слышу, за стенкой кто-то запел.

Шли лихие эскадроны
приамурских партизан...

Поет человек и пусть себе поет, если ему весело. Я сам люблю петь. Только я это подумал, как за стеной снова раздалось:

Шли лихие эскадроны
приамурских партизан...

Теперь он пел громче, почти кричал, а на словах «лихие эскадроны» подвывал немного и захлебывался. Потом запевал опять и опять... и все про партизан. Я пробовал читать книгу, но у меня ничего не получалось. Певец так завывал, что я не вытерпел, вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Песня раздалась еще громче. Я даже удивился, как это можно так петь. Я постучал еще раз и еще... Наконец пение прекратилось, за дверью раздалось шмыганье носом и глухой голос сказал:

– Чего?

– Послушайте, не можете ли вы петь потише?

– Ладно, – согласился певец и тут же заорал так громко, что я попятился от двери:

Шли лихие эскадроны
приамурских партизан...

Потом началось что-то совсем непонятное. «Шли лихи-и... Шли лихи-и... Шли лихи-и...» – выкрикивал певец не своим голосом.

Я совсем растерялся. Может быть, за дверью сумасшедший? И тогда надо звать на помощь докторов, санитаров. Может быть, это очень опасный сумасшедший, и на него нужно надеть смирительную рубашку. Я осторожно приоткрыл дверь и увидел: лежит на оттоманке тот самый мальчишка, что впустил меня в квартиру, кусает подушку, бьет ногами по валику и горланит песню. А из глаз его бегут слезы.

– Чего это ты орешь? – спросил я.

Мальчишка стиснул зубы, сжал кулаки.

– Ухо болит. – Потом лягнул ногой и снова запел: – Шли лихи-и...

– Вот смешной! – начал было я. – Ухо болит, а ты поешь. – Но мальчишка посмотрел на меня такими глазами, что я прикусил губу. Я догадался.

Когда я был солдатом, у меня тоже однажды заболело ухо, ночью в казарме. Плакать солдатам нельзя ни за что. Я ворочался с боку на бок, так же вот грыз подушку и сам не заметил, как раздвинул прутья на спинке кровати и сунул между ними голову. Потом боль утихла, и я уснул. А когда проснулся, то не мог встать, не мог вытащить обратно голову. Пришлось двум солдатам разжимать прутья, а ночью я разжал их один. Вот какая была боль.

Я с уважением глянул на мальчишку, а он на меня – залитым слезой глазом. Он молчал, и ему это было очень трудно.

Я бросился звонить по телефону в поликлинику. Меня долго расспрашивали, что болит, у кого болит... Наконец сказали: «Будет доктор».

Я ходил по комнате, и, как только за стеной раздавалось про партизан, я начинал подпевать. Вот так мы пели: он в одной комнате, я – в другой.

Скоро приехал врач – молоденькая чернобровая девушка в белом халате. Она сразу спросила:

– Где больной?..

Я показал на мальчишкину дверь. А он там снова загорланил про своих партизан.

– Как вам не стыдно обманывать? – рассердилась девушка доктор. – Какой же это больной, если он песни распевает таким диким образом?

– Доктор, это настоящий больной, это такой больной... – И я рассказал все как есть. Девушка вошла в комнату к мальчишке и твердым голосом сказала:

– Смирно!.. Прекратить пение!

Мальчишка затих, сел на оттоманке. Сидеть смирно ему было трудно, у него все время дергались ноги.

Девушка-доктор налила ему в ухо пахучей желтой камфары, обложила ухо ватой и завязала бинтом. А меня заставила вскипятить воду для грелки.

Пока мы возились, мальчишка молчал, только губы у него шевелились: он потихоньку – про себя – пел свою песню.

Девушка доктор скоро ушла к себе в поликлинику. Больной уснул. А я сидел в комнате рядом, ждал своего друга и думал: «Что это за мальчишка, который умеет петь в такие минуты, когда взрослые и те подчас плачут?..»

Позже я узнал, что имя у него очень веселое – Кешка, и слышал много всяких рассказов о нем и его товарищах.

Вот они.

КТО НАГРЕЛ МОРЕ

Когда Кешка был совсем маленьким, он ездил с мамой далеко на Черное море, в Крым.

Кешкина мама работала на заводе и училась в вечернем институте. На заводе ей дали путевку, чтобы отдохнула как следует, загорела. Мама решила взять Кешку с собой. Все ленинградские знакомые говорили: «Черное море не такое, как наше – Балтийское. Оно громадное и очень теплое». Еще они говорили, что по Черному морю проходит государственная граница с Болгарией, Румынией и Турцией... Кешка был страшно горд оттого, что все это увидит своими глазами.

Приехал Кешка в Крым поздно вечером и едва дотерпел до утра – так ему хотелось увидеть Черное море.

Рано утром мама велела Кешке надеть сандалии, и они отправились на пляж.

Море действительно было очень большое. По краям густо-синее, а посередине сверкало золотым, розовым и серебряным. Кешка сразу захотел купаться. Он скинул сандалии, майку, и даже трусики. Но мама сказала:

– Подожди, нужно воду попробовать. – Она немного походила по краешку моря, у самого берега, и покачала головой. – Холодная вода, Кешка. Купаться еще нельзя.

Кешка тоже попробовал воду ногой. Конечно, мама немного преувеличивала, но вода все-таки холодная. Зато круглые камушки, которыми усыпан весь пляж, были теплые. Эти камушки назывались смешно: галька.

Солнце висело еще низко, там, где море с небом сходится, у горизонта. Но мама разделась, постелила свой халат и предложила Кешке:

– Ложись загорай, утром загар самый лучший.

Кешка лежать не захотел. Он ходил по пляжу и все смотрел на море. Хотел увидеть болгарскую, румынскую и турецкую границы. Но так ничего и не увидел, кроме белых ленивых чаек. Мама скоро уснула, а Кешка принялся собирать гальку. Камушки были очень красивые и все, как один, теплые.

«А что, – подумал Кешка, – если эти камушки побросать в море, оно нагреется, и тогда можно будет купаться». Он пошел к берегу и бросил в море камень. Потом еще и еще.

На пляже стал собираться народ, все смотрели на Кешку и думали, что

он просто балуется – пускает блинчики. А Кешка никому не говорил, какое он делает нужное дело.

Солнышко поднималось все выше. Камушки становились все горячее. А Кешка кидал и кидал их в воду один за другим.

Маленькие волны, которые тоже смешно назывались – «барашки», – закатывались на берег и тихо, одобрительно шуршали: «Прррравильно, малышшш-ш...»

Потом проснулась мама, посмотрела на солнышко, подошла к воде.

– Ну вот, – сказала она, – теперь вода в самый раз, можно купаться... Солнышко постаралось.

Кешка засмеялся, но спорить с мамой не стал. Мама спала и, конечно, не видела, кто нагрел море. Можно ведь ей ошибиться.

НЕПРИЯТНОСТЕЙ НЕ ОБЕРЕШЬСЯ

Утром Кешку разбудили мамины холодные руки. Кешка ежился, залезал поглубже под одеяло. Но руки настигли его и там.

Мама приговаривала:

– Вставай, соня, зима!.. Белые мухи прилетели.

Кешка высунул голову из-под одеяла.

– Обманываешь, белых мух не бывает.

Мама повернула его голову к окну, и он увидел, что за стеклом медленно летят белые хлопья. Они кружатся, обгоняют друг друга, садятся на голые ветки большой липы.

Кешка в одних трусах побежал к окну. Улица белым-бела. И трамваи, и автобусы, и «Победы», и ЗИМы – все в белых накидках. У прохожих, которые остановились почитать газету, появились на плечах пушистые белые воротники.

– Снег! – закричал Кешка. А мама засмеялась.

* * *

Было воскресенье, и Кешка сразу же после завтрака помчался во двор повидать Мишку, главного своего друга, который учился на два класса старше. И еще надо было поговорить с Круглым Толиком, но... Первой, кого Кешка встретил во дворе, оказалась Людмила. По правде сказать, Кешка не очень-то хотел с ней встречаться. Она вечно дразнилась: «Кешка-Головешка...» А попробуй за ней погнаться – пулей влетит в свою парадную и заорет на весь дом: «Маа-мааа!»

В другой день Кешка прошел бы мимо Людмилки, не стал бы с ней даже разговаривать. Он так и хотел сделать, но язык сам по себе взял и сказал:

– Людмила, я все про снег знаю! Что!..

– Я тоже знаю, – ответила Людмила и поймала на варежку большую снежинку. – Снег – это такие звездочки.

– А вот и нет!.. Снег – это замерзлая вода. С теплых морей к нам прилетают облака, туманы и здесь от мороза превращаются в снег.

– Врешь, – насупилась Людмила, – все врешь.

Кешка взял Людмилину руку и поднес к своему лицу.

Звездочка дрожала на длинных шерстинках, вот-вот улетит. У нее было много лучей, некоторые напоминали копыя, а некоторые – еловые ветки.

– Кто же из воды такую сделает? – победно прошептала Людмила.

Тогда Кешка широко открыл рот и легонько, чтобы звездочка не улетела, стал дуть... Острые концы у копий затупились, еловые ветки начали вянуть, опадать... Звездочка съежилась, подобрала свои лучи под себя и вдруг превратилась в блестящую круглую каплю...

– Вот, не верила... – поднял голову Кешка.

Глаза у Людмилики стали синими, как вода, в которой подсиняют белье. Она топнула ногой и закричала:

– Ты зачем на мою варежку наплевал?!

– Ты что? – возмутился Кешка. – Просто снежинка растаяла.

Людмила и сама это видела, но что поделаешь, характер у нее был такой никудышный.

– Нет, наплевал, – твердила она. – Хулиган...

– Это я хулиган? – рассердился Кешка. – Тогда ты... ты... – Он еще не придумал, что сказать, а Людмила уже выпалила:

– Кешка-Головешка!..

Кешка был мальчишка такой, как и все. И ему пришла в голову мысль такая, как и всем мальчишкам, когда их дразнят или оскорбляют. Он сжал кулаки и шагнул вперед.

– Ах так, Людмила... Вот я тебе сейчас задам...

Но не тут-то было. Людмила, словно мышшь, юркнула в свою парадную и, задрав голову, заголосила:

– Ма-а-ма-а!.. Меня Кешка бьет!..

На крик к парадной прибежали Мишка и Круглый Толик.

– Ты ей правда поддал? – спросил Мишка.

– За что? – поинтересовался Толик.

– Не успел еще, – огорченно признался Кешка. – Дразнится все время... И еще врет...

Тут Людмила высунула голову из парадной и скучным голосом прокричала:

– Хулиган!.. Ты зачем мне на варежку наплевал?..

Мишка и Толик посмотрели на Кешку. Оба удивленно подняли брови.

– Опять врет... Ничего я не плевал. – И Кешка рассказал про снежинку.

– Н-да... – произнес Мишка и посоветовал: – Слышишь, ты с девчонками лучше не связывайся, с ними всегда неприятностей не

оберешься...

– Ну уж... – возразил Толик, – есть ведь, наверно, хорошие девчонки на свете.

– За всю жизнь не встречал, – заявил Мишка.

– А все мальчишки хулиганы!.. – прокричала Людмила из своей парадной. Но мальчишки сделали вид, будто это их не касается.

СНЕЖИНКА

Кешка играл один у поленницы и уже собирался домой, когда увидел Мишку. Мишка выскочил во двор в старых, разбитых валенках. Шея у него была как попало замотана шарфом, зато расстегнутое пальто он туго запахнул и даже придерживал рукой. Мишка был чем-то расстроен. Он часто подносил руку в пестрой варежке к лицу, сердито сопел и тер у себя под носом. Заметив у поленницы Кешку, Мишка подошел к нему и, глядя себе под ноги, угрюмо произнес:

– Кешка, ты правильный человек... Хочешь, я тебе подарок сделаю?

– Хочу, – живо согласился Кешка.

– А не откажешься? – не отрывая глаз от своих валенок, спросил Мишка.

– Кто же от подарков отказывается? – простодушно удивился Кешка. Его друг не любил бросать слова на ветер и, если заговорил о подарке, – значит, подарит. Только что?.. Кешку ужасно мучило любопытство, но в таких случаях нужно сохранять абсолютную невозмутимость и спокойствие. А Мишка между тем посопел немного, преодолевая последнее жестокое сомнение – отдавать или нет? – и решительно произнес:

– Ладно... Только смотри – береги и заботься... Я тебе ее как лучшему другу дарю. – Мишка оттянул воротник и тихо позвал: – Шкряга... Шкряга... – И вдруг из-под Мишкиного шарфа высунулась белая мордочка, дернула острым носом, метнула туда-сюда красными глазками и спряталась.

– Что это за чудо? – спросил Кешка.

Мишка усмехнулся и сообщил, что это вовсе не чудо, а обыкновенная белая крыса.

– Очень умная, – убеждал он. – У вас в квартире ни одной мыши не будет – всех пожрет. А чистоплотная – ужас... Шкряга, Шкряга, – позвал он снова ласковым голосом.

Крыса опять высунулась, только теперь из рукава. Осмотрелась и вылезла вся. Была она большая, с ладонь, только гораздо уже, очень красивая – вся белая как снег. Правда, длинный хвост немного портил ее: он был розоватый и весь голый.

– Шкряжечка, – приговаривал Мишка, – ты не бойся, у Кешки тебе хорошо будет: он добрый... Ты слышишь, Кешка? Колбасой ее иногда корми.

– Ладно, – согласился Кешка; ему не терпелось скорее заполучить крысу. Смущало его только крысиное имя – Шкряга. – Мишка, а почему ее так чудно зовут?

– Это ее моя мамаша так прозвала; у нее к животным никакой симпатии нет. Хочешь, выдумай другое имя Шкряге, все равно. – Мишка погладил крысу по снежной шкурке, вздохнул и сунул подарок в Кешкины руки.

Кешка осторожно принял зверька. А Мишка крепко потер варежкой под носом и молча пошел к себе на первый этаж.

Так началась эта история, немножко смешная и немножко печальная.

Первым делом Кешка дал Шкряге новое имя; теперь она называлась Снежинкой. Потом Кешка накормил Снежинку колбасой, как велел Мишка, постлал в коробку из-под ботинок вату.

– Теперь это твой дом, – сказал он. – Спи, Снежинка, – и засунул коробку с крысой под мамину кровать. Кешкина постель была на оттоманке.

Утром Кешка проснулся первым; мама еще спала. Кешка сразу же полез посмотреть Снежинку. В коробке ее не оказалось. Тогда Кешка забрался под кровать глубже – может, Снежинка спряталась там среди старых игрушек. Но крысы не было видно. Кешка выбрался обратно, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить маму, и тут он увидел Снежинку. Она сидела у

мамы на груди столбиком – умывалась. Кешка так и замер.

Неприятности могут случаться в любое время суток, но самое плохое, когда они случаются утром, – считай, что весь день испорчен.

Кешка сидел у кровати ни жив ни мертв. А мама открыла глаза, мигнула, потом крепко зажмурилась и потрясла головой. Крыса по-прежнему усердно вылизывала шерстку и добродушно поглядывала на маму красным, как огонек, глазом.

– Кешка, что это значит? – спросила мама шепотом.

– Ничего... Это Снежинка...

Мама взяла крысу двумя пальцами за загривок и бросила ее на Кешкину постель.

– Очень остроумно, – сказала мама сухо, потом встала, накинула халат и принялась поправлять у зеркала свои пушистые волосы. Кешка заметил, как мама смочила пальцы одеколоном и вытерла их об халат.

– Сегодня ты крысу принес, а завтра притащишь жабу...

– Я ее еще вчера принес, пока ты в кино была. А жабы зимой не водятся.

Снежинка тем временем перебралась с Кешкиной постели на стул, со стула по скатерти на стол и принялась выкатывать с большой фарфоровой тарелки румяное яблоко.

– Сними ее сейчас же со стола! – крикнула мама, поморщилась и добавила: – Если бы не этот ужасный хвост!..

Утром мама всегда очень торопилась: опаздывать на работу нельзя. Она на скорую руку завтракала и подчас даже не успевала убрать постель – это входило в обязанности Кешки.

Сегодня мама, по обыкновению, села за стол, не дожидаясь сына. Только поднесла сосиску ко рту, как тихо охнула... Выронила вилку. У нее на плече сидела Снежинка и поводила своей лукавой мордочкой. Мама стряхнула ее, поднялась из-за стола и сказала ледяным голосом:

– Чтоб сегодня же крысы не было!

– Ма... – начал было Кешка.

– Никаких «ма»... – Мама ушла, напомнив в дверях: – Слышал, что я тебе сказала?..

В приоткрытую дверь тянуло холодком из коридора. Расстроенный Кешка застелил постели, потом пошел в кухню мочить веник. Там он застал такую картину.

Посреди кухни, на табуретке, стояла соседка тетя Люся в длинном халате и растерянно шептала:

– Не лезь на меня... Слышишь, не лезь! – А по ее халату спокойно

взбиралась Снежинка. Тетя Люся, должно быть, не нравилась ей. Стоило халату шевельнуться, как Снежинка поднимала острую мордочку и начинала фыркать.

– Еще фыркает! – осторожно возмущалась тетя Люся. – Я тебе говорю?.. Не лезь!.. – Но Снежинка не обращала на протесты никакого внимания. Тетя Люся беспомощно закатывала глаза, трясла в воздухе полными белыми руками. Увидев Кешку, она скривила побелевшие губы. – Кешка, сними с меня это... В обморок упаду!..

Кешка испугался: падать с табурета все-таки высоко. Он подбежал к тете Люсе, снял Снежинку и сунул ее к себе под майку.

– Что ты делаешь? – ахнула тетя Люся. – Выброси ее сейчас же на помойку.

Но Кешка унес Снежинку в свою комнату.

– Снежинка, Снежинка, не любят тебя здесь, – угрюмо рассуждал он. – И обратно тебя отдать нельзя – ты подарок.

Снежинка сидела на подушке, чесала передней лапкой за ухом, – наверно, тоже думала, как тут быть.

Кешка подмел пол, посадил Снежинку за пазуху и понес мусор в ведро. У дверей кухни стояла тетя Люся со шваброй в руках. Она просунула голову в кухню и ласково звала:

– Крыс, крыс, крыс... Иди сюда, маленькая.

– Ее зовут Снежинка, – хмуро сообщил Кешка.

Тетя Люся смутилась.

– Подумаешь, принцесса, – проворчала она.

Потом пришел тетин Люсин знакомый, дядя Боря. Они всегда вместе ходили на работу. Дядя Боря строго посмотрел на Кешку и сказал:

– Кешка, я всегда считал тебя серьезным человеком, а ты с крысами возишься... Позор!

– Чего она вам сделала? – не выдержал Кешка. – Чего вы ее ненавидите?

Дядя Боря поправил очки, поднял плечи.

– Как чего?.. Она же крыса...

Этого Кешка не понял. Он прижал Снежинку к своему боку и молча зашагал в ванную умываться. Пока он умывался, Снежинка шмыгала у него под ногами, залезала под тазы, под ванну. Но, когда Кешка вытерся полотенцем и стал звать ее, она не выбежала к нему. Кешка облазил всю ванную. «Снежинка, Снежинка!» – звал он ее и на кухне, и в коридоре – крыса не появлялась.

Через час, а может быть и через два, Кешка услышал под кроватью

возню. Он, конечно бросился туда. Снежинка вытаскивала из коробки вату, и не успел Кешка ничего сообразить, как она помчалась в коридор с ватой в зубах. Кешка бросился вдогонку. Снежинка метнулась в ванную и пропала вместе со своей ношей. Кафельная плитка была разбита, на ее месте темнела небольшая круглая дыра.

Вечером в кухне собрались все жильцы. Тетя Люся рассказывала, как ее чуть до смерти не защекотала какая-то мерзкая крыса. Все укоризненно поглядывали на Кешку, а мама переставляла на плите кастрюли так, что они гремели на всю кухню. Тетя Люся кончила рассказывать и направилась в ванную мыться. И вот тут Кешка увидел Снежинку в последний раз. Сначала в ванной раздался истошный визг, затем крик: «Не тронь, бесовестная!!!» Все бросились в ванную, Кешка – первый.

Тетя Люся стояла в ванне, подобрав полы халата; перед ней на табуретке сидела Снежинка и преспокойно отгрызала с красивой тетиной Люсиной туфли меховой помпон. Помпона на второй туфле уже не было.

Дядя Боря схватил кочергу, но Кешка загородил ему дорогу, а Снежинка спрыгнула с табурета и потащила помпон к дырке. Там она остановилась. Кешке показалось, что она посмотрела на него и подмигнула. Потом крыса засунула помпон в дырку и скрылась.

После этой истории тетя Люся целую неделю ходила в кухню, а особенно в ванную, со шваброй. Дядя Боря здоровался с Кешкой очень холодно. А Мишка, встречая своего приятеля, ожесточенно тер под носом и говорил:

– Ладно, Кешка, не расстраивайся... Она там, наверно, гнездо свила.

Несколько раз до ребят доходили слухи, будто в соседних квартирах среди дня появляется отважная белая крыса и на глазах у людей таскает разные продукты. Мишка и Кешка очень боялись, что Снежинка попадет в крысоловку. Но скоро слухи о ней прекратились: наверно, Снежинка навсегда ушла из этого дома.

ПИРАТ

Вечером мама шила Кешке новый костюм, а сам он сидел в коридоре и строгал себе саблю. На завтра была назначена игра в пиратов. Мишкин отряд решил захватить в плен сурового ангорского кота Горыныча. Горыныч был бродяга и бандит. Он уже несколько лет обитал на чердаках, в подвалах, неизвестно чем питался и ужасно выл по ночам на верхних площадках лестниц.

Так вот, Кешка строгал себе саблю и вдруг услышал, что в дверь кто-то потихоньку скребет.

– Кто там? – шепотом спросил Кешка.

За дверьми раздалось повизгивание. Кешка отодвинул задвижку, приоткрыл дверь. На площадке сидел маленький, дымчатого цвета щенок, тихо скулил и умоляюще глядел на Кешку.

– Ты чей? – шепотом спросил Кешка.

Щенок поднялся на толстые лапы, пододвинулся к Кешке и легонько твякнул, словно хотел сказать: «Можно»?

Не мог Кешка допустить, чтобы щенок замерзал на лестнице.

Щенок просунул в щелку толстые, словно надутые бока, встряхнулся и

стал обнюхивать мамины боты, Кешкины калоши, метелку в углу. Потом он хитро посмотрел на Кешку и неуклюже подпрыгнул сразу на четырех лапах. Но Кешке было не до игры. Он размышлял, как бы узаконить пребывание щенка в квартире. Кешка решил начать с мамы. Дело нетрудное – взять да спросить. Но это только так кажется. Кешка долго мялся у маминого стула, потом сказал:

– Мама, а что, если бы нам с тобой щенка завести?..

– А еще что? – не отрывая глаз от машинки, спросила мама.

– Нет, больше ничего... Знаешь, щенка. Он бы нам комнату стерег.

Мама отложила костюм и посмотрела Кешке в глаза. Сын стоял с независимым и безразличным видом.

– Где щенок? – спросила мама.

– Щенок?.. Какой щенок? – Кешка притворился, что не понимает, а сам опустил глаза и посмотрел к маме под стул. Там сидел щенок и вилял хвостом-баранкой. Щенок, наверно, подумал, что уже все в порядке, весело твякнул и потянул маму за юбку. Мама вытащила его за загривок из-под стула, подняла в воздух и, надув губы, сказала, как говорят маленьким детям:

– Вот мы какие...

«Понравился», – догадался Кешка. Но мама опустила щенка на пол и с сожалением покачала головой:

– Нет, Кешка, не проси... В одной комнате собаку держать нельзя.

– А мы в коридоре, – живо предложил Кешка.

Мама опять покачала головой.

– Коридор общий, соседи будут возражать.

Кешке не хотелось сдаваться так сразу. Он пошел к тете Люсе, к соседке.

– Тетя Люся, можно мне в коридоре щенка держать?

– Зачем тебе щенок? – Тетя Люся пожала плечами и посмотрела на дядю Борю. Дядя Боря, он был у тети Люси в гостях, захотел посмотреть щенка.

– Люблю собак... Моя мечта – завести собаку, овчарку или сенбернара.

А Кешка пошел к другому соседу – молчаливому шоферу пятитонки, Василию Михайловичу.

– Василь Михалыч, – постучал он. – Василь Михалыч, можно мне щенка в коридоре держать?

Василий Михайлович, высокий, до притолоки, открыл дверь, загородив своей широченной фигурой весь проход.

– Стоящий зверь? – спросил он глухим басом.

Кешка задрал голову – иначе на Василия Михайловича смотреть было нельзя.

– Хороший щенок, – кивнул он, – пузатый и хвост колесом.

– Хвост – это не доказательство, – прогудел Василий Михайлович. – Пойдем обозревать...

Кешка побежал впереди, Василий Михайлович бухал тяжелыми ботинками за ним.

В Кешкиной комнате уже сидели тетя Люся и дядя Боря.

– Собака – моя мечта, – говорил дядя Боря, – особенно сенбернар.

Тетя Люся тискала щенка и приговаривала:

– Куси, Мурзик, куси... Ну-у, куси, – и совала щенку свой палец с красным ногтем.

– Это и не Мурзик вовсе, – обиделся за щенка Кешка. – Это... это Пират.

Василий Михайлович присел на корточки, осмотрел щенка.

– Такого зверя на улицу выбрасывать преступление, – наконец сказал он. – Овчарка чистой породы.

– Овчарка – моя мечта, – снова сказал дядя Боря.

– Пусть остается, – согласилась тетя Люся, – если не будет гадить... Смотри у меня!.. – погрозила она щенку. А он вильнул хвостом, – мол, согласен и... пустил лужу.

Мама засмеялась, тетя Люся поморщилась, дядя Боря вдруг начал протирать очки, а Василий Михайлович посмотрел на щенка с ухмылкой и сказал:

– Серьезный зверь... Живи.

Таким образом, щенок был водворен в квартиру. Кешка весь вечер кормил его, чистил, даже позабыл про свою саблю. Мечтал вырастить из Пирата грозного пограничного пса.

На следующий день Кешка вышел со щенком во двор. Старенькая дворничиха, тетя Настя, подметала большой метлой щепки. Кешка важно водил щенка на веревочке, поджидал Мишку. Мишка пошел со своим третьим классом на экскурсию в железнодорожный музей. Кешка ждал терпеливо: пусть Пират воздухом дышит – закаляется. Наконец Мишка появился, еще издали помахал Кешке портфелем.

– Это твой?..

И полез щекотать щенка за ухом.

– Хороший пес... Как его зовут?.. Давай из него ищейку воспитаем, а?

– Ладно, – согласился Кешка.

Подоспел и Круглый Толик.

– Надо ему испытание сделать, – сказал он. – Дайте ему что-нибудь понюхать.

Мишка поставил под нос Пирата свою ногу.

– Нюхай, Пират... Ну, нюхай...

Но Пират вцепился Мишке в штанину и начал мотать головой во все стороны и рычать. Мишка кое-как вырвался от него и быстро спрятался за поленницу.

– Ищи, Пират! – скомандовал Кешка. Щенок натянул веревку и бросился к дровам. Ребята бежали за ним. Пират обогнул поленницу, где спрятался Мишка, и понесся дальше.

– Не туда! – кричал Кешка.

Вдруг с поленницы прямо на Пирата свалился Горыныч. Кешка выпустил поводок. Потом они с Толиком бросились было спасать щенка, но Горыныч так громко зашипел и так распушил свой хвост, что столкновение с ним грозило кончиться плохо. Пират пустился бежать, но Горыныч одним прыжком настиг его и повалил. Щенок жалобно заскулил, а кот стал над ним, покатал его лапой, словно клубок ниток, и уселся рядом.

– Мишка! – закричал Толик. – Горыныч Пирата заест!

Мишка вынырнул из-за поленницы мгновенно. Он замахнулся на кота портфелем, но тот не подумал бежать, только припал к земле, выпустил когти и забил хвостом. Ребята чуть отступили. А кот присел и нетерпеливо подтолкнул Пирата лапой. Щенок, подвывая от страха, встал и заискивающе вильнул хвостом. Кот довольно заурчал. Щенок заработал хвостом еще энергичнее, даже твякнул легонько.

Мальчишки глазам не верили: беспощадный Горыныч и щенок выделяли такое, что ребята покатывались со смеху. Когда щенок особенно расхотелся и позволял себе непочтительно куснуть Горыныча за хвост, тот валил его своей сильной лапой и показывал острые клыки.

Мальчишки подталкивали друг друга локтями, а Мишка то и дело восклицал:

– Чудеса!.. Расскажи – не поверят. – Он повертел головой, высматривая, кого бы пригласить на это удивительное зрелище... Но во дворе была только дворничиха тетя Настя, да еще шли из магазина к своей парадной Людмила с матерью.

У Людмили любопытства на целый класс. Она подскочила к ребятам, спросила:

– Чего это вы смеетесь? – и вдруг закричала: – Мама, смотри это кот нашего щенка треплет!

– Как это вашего? – возмутился Кешка.

– А так нашего, – передразнила его Людмила, – из нашей квартиры.

Подоспевшая Людмилакина мать поставила сумку на чистую сосновую плаху и возмущенно заговорила, обращаясь к подметавшей двор тете Насте:

– Как вам понравится?.. Этот щенок сорок рублей стоит, а они его с котом сравили.

Тетя Настя глянула на щенка.

– А-а... ничего с ним не делается, – и хмуро добавила: – Деньги людям девать некуда.

– Нет, вы рассудите здраво, – не унималась Людмилакина мать. – За щенка большие деньги отдали, а они его этому чудовищу бросили на растерзание... Отберите сейчас же щенка! – топнула она ногой.

Но у ребят не было никакого желания связываться с котом, к тому же Горыныч не сделал щенку ничего плохого.

– Позови Николая Петровича, – приказала Людмилакина мать дочке.

Людмила со всех ног бросилась на лестницу. Ребята стояли и недружелюбно поглядывали ей вслед.

«Отберут теперь щенка», – думал Кешка.

Скоро во дворе появилась Людмила в сопровождении худощавого мужчины в макинтоше. Это был Людмилин сосед, не то артист, не то инженер, ребята толком не знали.

– Что здесь происходит? – спросил мужчина.

– Ваш щенок, – ответила Людмилакина мать. – Мы вчера обыскались, а он вот, щенок... Его это чудовище грызет.

– И вовсе не грызет, – поправил ее Мишка. – Это они играют... Пират и Горыныч.

– Нечего сказать, компания, – сердито проворчал мужчина. – Какой он вам Пират?.. – Мужчина шагнул вперед, и кот не мог с ним спорить. Кот отступил. А Людмилин сосед подхватил щенка на руки. Он гладил его и приговаривал: – Обидели тебя, Валет... Мы им... – Потом повернулся к ребятам: – Если вы еще раз коснетесь его, уши оборву!

Хозяин щенка и Людмилакина мать пошли к лестнице. Людмила показала мальчишкам язык.

Друзья сели на сосновую плаху.

Уши у Кешки горели, словно их и в самом деле оттрепала чья-то грубая рука.

Круглый Толик ковырял ногой кору на полене.

– Может, в пиратов сыграем... – предложил он равнодушно. Но играть в пиратов у ребят не было уже никакой охоты.

Напротив, на поленнице, стоял Горыныч. Одичавший бродяга-кот печально смотрел в сторону лестницы, и его отмякшее на минуту сердце, наверное, снова заполнялось злостью.

– А у него раньше другое имя было, – сказал вдруг Мишка, – Барсик...
– и уважительно добавил: – Барс...

ЧИЖИ

Случилось это так. Вечером прибежал Мишка. Он постучал, потому что побаивался Кешкиной мамы. Значит, Мишка постучал, просунул в дверь голову, обвел комнату глазами и сказал:

– Кеш... Ты один?

Кешка соскочил с оттоманки: он читал «Р. В. С.»

– Один.

Мишка был уже в комнате.

– Кешка, выручи до завтра!

– А как тебя выручить?

Мишка извлек из-под пальто картонную коробку с дырками, проткнутыми гвоздем.

– Подержи до утра чижей, а то моя мамаша говорит: «Выгоню вместе с чижами...» Я завтра их в школе выпускать собираюсь, завтра, День птиц, понимаешь?..

– Понимаю.

– Я уж у матери просил-просил. – Мишка прижал к груди коробку и заговорил ноющим голосом, каким, по обыкновению выпрашивал что-нибудь у своей матери: – Не может еще одну ночь потерпеть... – потом добавил с тревогой: – Может, и твоя мать не захочет?

– Ее нет дома, – успокоил его Кешка. – Она сегодня в вечернюю смену. – Кешке очень хотелось посмотреть чижей. Он заглядывал в дырочки, но в коробке было темно и тихо. – Мишка, может, они задохнулись?..

– В том-то и дело, – серьезно подтвердил Мишка. – В коробке им воздуху мало, их надо между рам пустить... А моя мамаша, знаешь?..

– А моя ничего, – заторопился Кешка, – она чижей любит. – Ему очень хотелось, чтобы птицы побыли у него.

Мишка подумал чуточку и пошел обследовать окно. Расстояние между стеклами было большое, в самый раз.

– Крупа у тебя есть? – спросил он.

Кешка с готовностью полез в буфет.

– Есть, есть... Какую надо?..

– Пшена лучше всего.

Кешка достал железную банку с пшеном, спрыгнул со стула и протянул ее Мишке. Мишка заглянул в растворенную дверку буфета.

– А в тех банках что?

– Рисовая, гречневая, манная, перловая...

– Ишь ты, – Мишка покачал головой и улыбнулся. – Давай чижам ассорти дадим.

– Такого нет, – сказал Кешка.

Мишка никогда не смеялся и не сердился, если Кешка чего-нибудь не знал.

– Такого отдельно и не бывает. Ассорти – это когда всех сортов понемногу.

– Понял, – закивал головой Кешка и полез в буфет за остальными банками.

Мишка насыпал между рамами всех круп по горсточке, добавил даже толстой разноцветной фасоли для красоты. Потом плотно закрыл окно, проверил форточки. Все было как надо. Мишка развязал нитку на коробке, приподнял крышку и засунул туда руку. Кешка не отрываясь, затаив дыхание следил за ним. Мгновение – и из Мишкиного кулака уже выглядывает удивленная взъерошенная головка чижа. Первый чиж очутился между рамами. Кешка бросился смотреть его. А Мишка уже доставал другого. Скоро за стеклами сидели все четыре чижа. Серенькие, маленькие, с зеленоватыми грудками. Они порхали вверх, вниз, поднимали невесть откуда взявшуюся пыль. Скакали по крупяному ассорти, совсем не обращая на него внимания, словно это был не корм, а уличный песок.

– Мишка, почему они не едят?

– Сытые, – ответил Мишка. Они еще несколько минут постояли у окна, поглядели, как порхают и возятся за окном шустрые чижи. Потом Мишка схватил шапку, заторопился домой. – Арифметику еще надо доделать, – сказал он на прощание. – Значит, до завтра... Я рано приду, утром...

Когда Мишка ушел, Кешка поставил к окну стул и смотрел на чижей, пока они не угомонились и не уснули, спрятав носы в перья. Птицы ложатся спать гораздо раньше людей... Зато и встают они... Но об этом дальше.

Кешка сквозь дрему видел, как пришла мама с работы, как легла спать. Потом ему стало душно; он проснулся, встал с постели, хотел открыть форточку и вспомнил про чижей. Мама спала чуть приоткрыв рот; щеки ее разругнулись, – наверно, и ей было душно. Но ведь форточку открывать нельзя – чижи улетят. Кешка подумал-подумал, что ему делать, и уселся у окна, решил сторожить форточку до утра. Кто знает, усни он, мама встанет и откроет. Что тогда Мишка скажет? Кешка долго смотрел на спящих птиц,

на серое небо, на яркую зеленоватую звезду Вега. Потом все это закружилось и куда-то пропало, словно на окно накинули плотную штору. А под утро Кешка увидел сон. Будто идет он с Мишкой в школу выпускать чижей. Чижи поют песни, Мишка поет, и он, Кешка, подпевает. Такое веселье вокруг, и вдруг мамин голос: «Безобразия!»

Кешка открыл глаза. В комнате светло и стоит такой гвалт, хоть уши затыкай. Чижи горланили в четыре глотки, и даже удивительно: маленькие птахи, а шумят, будто целый птичий базар.

Они били крыльями, лутили крупу и долбили носами в стекла.

Над домами плыли розовые облака; солнце, должно быть, еще едва поднялось над землей.

Мама закрыла уши подушкой и просила, не размыкая глаз:

– Кешка, прогони птиц с окна... Чего это они у нашего окна раскричались?..

Кешка растерялся.

– Ма, их нельзя прогнать, – наконец пробормотал он, – сегодня День птиц.

Мама села на кровати и увидела, что Кешкина постель пуста.

– Опять твои фокусы?.. Должна я отдохнуть или нет?..

– Должна, – согласился Кешка.

– Тогда прогони птиц... сейчас же!

– Нельзя ведь, – упавшим голосом запротестовал Кешка.

– Тогда я сама прогоню!

– Мама, – закричал Кешка, – чужие чижи!.. – Но мама потянула на себя первую раму и тут же отскочила от окна. Чижи, как ошалелые, ринулись в комнату. Они садились на абажур, на картины, скакали по столу, пищали и пели.

– Гони их! – кричала мама.

– Лови! – кричал Кешка.

Мама гоняла чижей полотенцем, как мух... Вдруг в прихожей тихонько звякнул звонок. Мама вопросительно посмотрела на Кешку и пошла открывать.

– Кого еще в такую рань несет? – ворчала она.

За дверью стоял Мишка.

– Здравствуйте, тетя Лиза. Я за чижами. – Мишка устоял в пол и добавил едва слышным шепотом: – Проспал я маленько.

Мама молча отступила, пропустила Мишку в комнату.

Чижи немного утомнились; они скакали по шкафу, по карнизу. А один раскачивался на занавеске и тревожно чирикал.

– Проспал маленько, – еще раз пробормотал Мишка. – Их надо было сонными хватать.

– Ну, ну, хватай, – сказала мама.

Ловля чижей возобновилась. Только теперь мама сидела на кровати и устало смотрела, как Мишка и Кешка, крадучись, подбираются к чижам. Те подпускают их совсем близко и вдруг – порх!..

– Чижи, чижи... чиженьки, – шептал Мишка, хищно глядя на птах. – Куда же вы улетаєте?.. – Он бросался на какого-нибудь чижа, опрокидывая при этом стулья. Ушибал себе колени или локти и грозил неразумным птицам: – Дураки безмозглые!.. Я ж вас зачем ловлю? Чтобы выпускать. Чижа, чижа... Чиженька...

У Кешки была другая тактика. Он стоял на валике оттоманки, кричал, размахивал руками, а когда перепуганная птица пролетала мимо, бросался на нее, как вратарь. Чижи носились по комнате как сумасшедшие, с размаху бились о стекла, падали, взлетали снова и опять ударялись о невидимую преграду... В воздухе кружились легкие перья и пыль.

В дверях стояли заспанные тетя Люся и шофер Василий Михайлович.

– Что происходит? – испуганно спросила соседка.

– Птицы, – понимающе сказал сосед. – Летают... Ты, Кешка, их простыней лови.

Наконец мама не выдержала. Встала, открыла вторую раму. В комнату сразу ворвалась струя свежего весеннего воздуха. Чиж, который был поближе к окну, прыгнул на подоконник и выпорхнул на улицу.

– Держи! – завопил Мишка.

– Хватит птиц мучить, – сказала мама. – Пусть и остальные летят.

Мишка опустил на стул совсем расстроенный.

– Тетя Лиза, что вы наделали!.. Мне же их сегодня выпускать надо в школе... Ведь День птиц.

– Вот и пусть летят.

– Да, они сами улетають, а надо организованно...

Чижи, почувствовав свежий уличный воздух, ринулись к окну. Два вылетели сразу, а один ударился о занавеску и запутался в ней. Тут Мишка его и схватил.

– Не расстраивайся, – успокаивал друга Кешка. – Одного выпустишь организованно.

– Да, я их специально ловил... – бубнил Мишка.

А мама подошла к окну и откинула занавеску.

– Вон твои чижи на дереве сидят... Радуются... Приятеля поджидают... Каково ему?..

Мишка посмотрел на Кешку, ища у него поддержки. Но Кешка опустил глаза.

– Мишка, давай и этого... А, Мишка?..

Мишка шумно засопел, потом подошел к Кешкиной маме и сунул ей в руки чижа.

– Нате... Выпускайте... Все равно это не по правилам.

Мама посмотрела на маленькую серую птичку в своей руке, подула ей на взъерошенное темя и раскрыла ладонь.

ПРОСТО ИСТОРИЯ

Неподалеку от Кешкиного дома протекала речка. Пахло от нее пенькой, водорослями, смолой, рыбой. И это был удивительный запах – лучше, чем аромат конфет и пирожных, – речка дышала морем.

Неуклюжие баржи навозили сюда целые горы морского песка и желтых камней. А в начале лета крикливые буксиры забили всю речку лесом. Намокшие за долгое путешествие бревна жались к берегу, как стадо усталых молчаливых тюленей. Ребята постарше придумали игру, даже не игру, а просто так – занятие. Они перескакивали по бревнам с одного на другое. Бревна под ногами тонули, но в этом и был весь интерес. Сколько великолепного, сосущего под ложечкой страха, сколько хвастливой гордости доставляла прыгунам эта затея! Всякий раз она кончалась благополучно, если, конечно, не считать мокрых штанов и ботинок. Чемпионом на бревнах считался Мишка. В этой истории на его долю выпала немаловажная роль, но всему свое время.

Однажды на берегу играли Кешка, Круглый Толик и Людмилка. Мальчишки ходили по бревнам у самого берега. Людмилка сидела на песке и поддразнивала:

– Слабо дальше!.. Слабо дальше!..

Мальчишки не очень-то слушали, что она там кричит, и скоро ей надоело их дразнить. Она стала переплетать свои маленькие, с мизинец, косы.

Налетел ветер, вырвал у нее из рук белую шелковую ленточку и отнес на самые дальние бревна.

Людмилка заревела:

– Моя ленточка!.. Теперь мне от мамы попаде-ет... И все из-за вас!.. Зачем меня на речку позвали?..

Никто Людмилку не звал. Она сама пришла. Кешка видел, что ветер вот-вот сбросит ленточку в воду. Крику будет на весь двор!.. Не раздумывая, он прыгнул на бревно подальше, потом на следующее. Добрался до ленточки; только наклонился, чтобы ее поднять, как бревна расступились и он провалился в воду. Не успеет Кешка вовремя расставить руки, случилась бы непоправимая беда.

– Кешка утонул! – вскрикнула Людмилка.

Толик, чувствующий себя на бревнах очень неустойчиво, прыгнул на берег и что есть мочи припустил к дому. Людмилка, воя от страха, неслась

следом.

– Мама!.. Никому не скажешь? – выпалила она, врываясь в квартиру. – Кешка утону-у-ул!..

– Да что ты! – всплеснула руками Людмилакина мать, заперла дочку на ключ, быстро выскочила на лестницу и застучала по ступенькам тонкими каблуками.

Кешка тем временем держался за бревна, болтал ногами в воде, стараясь закинуть хоть одну наверх. Но либо ботинки стали тяжелыми, либо сил у Кешки осталось совсем мало – выкарабкаться ему не удавалось. Волнами поддавало соседние бревна. Они били Кешку по рукам. Пальцы немели. Плечи опускались все ниже. Вода уже щекотала подбородок. А над речкой спокойно кружились чайки.

– Держись, Кешка!

От забора, перескакивая через камни, размахивая руками для равновесия, мчался Мишка. За ним, пыхтя, катился Круглый Толик.

Мишка кричал:

– Держись!

Кешка крепче вцепился в скользкую кору, а Мишка вскочил на бревна, прыгнул раз, другой... лег на живот и схватил Кешку за ворот.

На берегу Кешку подхватил Толик. Ребята вели его медленно, осторожно.

Мишка рассказывал:

– Прибегает Толик, кричит: «Кешка тонет!..» Я ходу!..

Круглый Толик застенчиво отворачивался – все-таки не он спас Кешку.

Кешка едва переставлял ноги и скоро без сил повалился в теплый песок. Ему казалось, что песок колышется под ним, расползается. Кешка запустил в него пальцы и закрыл глаза. Ребята стащили с Кешки ботинки, брюки, рубашку, разложили на камнях сушить.

– Теперь искусственное дыхание надо, – заявил Мишка.

– Он ведь и так дышит. – Толик неловко погладил Кешкино плечо. – Кешка, ты дышишь?

– Дышу...

– Мало ли что... «Дышу»... А может, у тебя полная внутренность воды. По правилам обязательно искусственное дыхание полагается. – Мишка схватил Кешку за руку, Толик взял за другую.

– Довольно! – кричал Кешка.

Мишка ворчал строго:

– Терпи, я сам знаю, когда довольно.

Кешка терпел, а его друзья старательно пыхтели, нажимая ему на

живот, на грудь. Остановились они внезапно. Толик даже приподнялся, собираясь задать стрекача. От забора к речке бежали Кешкина мама, Кешкин сосед – шофер Василий Михайлович, соседка тетя Люся. Позади всех, осторожно пробираясь между камнями и досками, поспешала мать Людмилки.

Сразу стало шумно. Тетя Люся принялась тормозить Кешку, будто сомневаясь, он ли это. Василий Михайлович стоял, сурово сдвинув брови. А Кешкина мама опустилась на желтые камни и заплакала. Ребята прижались друг к другу; они почти оглохли от шума, оторопели от такого яростного внимания... А Кешка посмотрел на маму и сказал:

– Ну чего ты, ма?.. Ну чего?.. Я ведь не утонул, а ты плачешь!..

ВЗРЫВ

Напротив дома, в котором жил Кешка, стоял высокий забор. За ним лязгали машины, шипела электросварка. А вечерами прожекторы, укрепленные на столбах, вонзались лучами в землю, будто плавили ее. За забором была глубокая яма – котлован. До дна ямы не доставали даже экскаваторы; рабочие поднимали землю лебедками. Вот туда, на самое дно котлована, и светили прожекторы. Ребята привыкли к яме за забором и перестали заглядывать в щели.

Однажды ребята увидели, что над забором возвышается бетонная башня. Не очень высокая, правда. Через несколько дней над башней выросла пара долговязых подъемных кранов. Рабочие день и ночь плели по стенам башни редкую сетку из толстых железных прутьев, обивали стены досками. А краны выливали большущие бочки жидкого бетона на железную сетку между досками. Бетон затвердевал. Башня лезла вверх. Она поднималась, громадная, серая, без окон, без дверей.

– Что же это будет? – гадали ребята. Гадать было трудно: никто из ребят за всю свою жизнь не видел еще такой башни. Наконец все сошлись на том, что за забором строят атомную электростанцию. Это было очень любопытно.

Как-то вечером в Кешкину квартиру позвонила дворничиха тетя Настя.

– Не закрывайте на ночь окон, – предупредила она. – Взрыв будет.

– Что, война? – высунулся из-за мамы Кешка.

Но мама сердито топнула ногой, а тетя Настя замахала руками.

– Что ты, господь с тобой!.. Такие слова говоришь. Даже подумать страшно. Взрыв на строительстве будет. Вон за забором.

Тетя Настя ушла, ворчливо напомнив еще раз о том, чтобы не закрывали плотно окон, не то стекла вылетят. А мама привела Кешку в комнату и велела ему сесть на стул.

– Кешка, дай честное слово, что не будешь торчать у окна.

Кешка не любил разбрасываться честным словом. Честное слово – как клятва. А разве легко человеку спать, если за окном произойдет самый настоящий взрыв?

Кешка сопел, глядел на маму умоляющими глазами. Мама была непреклонна.

– Кешка, дай честное слово.

Кешка посмотрел на маму самым жалостным взглядом. Не помогло.

Наконец он со вздохом прошептал:

– Ладно... Честное обыкновенное.

Не мог же он дать честное-пречестное или честное ленинское. Взрыв как-никак.

Мама дежурила на заводе в ночную смену. Пока она собиралась, Кешка ровно и глубоко дышал, притворялся спящим. Но только она закрыла за собой дверь, Кешка сел на оттоманке.

За окном тревожно дребезжали трамваи. Голубой свет метался по комнате. Люди за забором готовили взрыв.

Неожиданно в передней раздался звонок. Кешка соскочил с оттоманки, сунул ноги в мамины шлепанцы, побежал открывать. Наверно, мама чего-нибудь забыла.

– Это ты, мам?..

– Открывай, чего там! – раздался на площадке Мишкин голос. – Давай быстрее!

Кешка живо распахнул дверь, и в переднюю ввалился Мишка, в одних трусах, в ботинках на босу ногу. С Мишкиных плеч свисало серое байковое одеяло. К голому животу он прижимал подушку.

– Ночевать к тебе. Сейчас твоя мать заходила... Говорит, нам вдвоем не так страшно будет.

Кешка покраснел, пробормотал:

– А мне и не страшно вовсе. Заходи, будем вместе на оттоманке спать.

– Ты ложись, а мне нельзя, – заявил Мишка. – Мне надо у окна сидеть: мало ли что случиться может.

Кешке тоже необходимо было сидеть у окна, но он дал честное слово не слезать с постели.

Мишка, закутавшись в одеяло, сел к окну.

– Вокруг башни темно, – сообщил он. – Людей не видно.

Кешка подпрыгивал на оттоманке, старался хоть так рассмотреть, что делается около башни. Наконец он догадался, сложил все три подушки одна на другую, по бокам подставил валики и взобрался на это неустойчивое сооружение.

Башня возвышалась угрюмой громадой. Отвернув от нее узкие стрелы, настороженно замерли краны. Прожекторы не светили, лишь красноватая, со слабым накалом, лампочка покачивалась на ветру.

Прошло много времени, томительного и напряженного. Чтобы не уснуть, ребята обменивались короткими репликами.

– Мишка, спишь?

– Нет. Сейчас, уже скоро...

– Мишка, а все-таки зачем взрыв будет?

– Я думаю, испытывают. Чтобы потом, когда атом пустят туда, никаких трещин не было.

Кешка пытался представить себе таинственное нутро башни и сложные машины, которые приведет в движение легендарное чудовище – атом.

Ребята надолго замолчали, свирепо боролись с дремой, заволакивающей глаза. И вдруг над башней возник трепещущий фиолетовый свет. Ударило по ушам гулким крутым ревом. Грохнуло, раскатилось по улицам эхо. Зазвенели на тротуарах лопнувшие стекла.

Кешка упал на пол со своего наблюдательного поста. Барахтался, выбирался из-под подушек.

Мишка закричал:

– Зажигай свет!

Когда в комнате вспыхнула лампочка, Мишка подскочил к зеркалу, принялся рассматривать лоб.

– Кешка, чего это у меня на виске?

Кешка подошел поближе. Вдоль виска у Мишки тянулась неглубокая розовая царапина.

– По-моему, рана...

Мишкины губы расплылись в блаженной улыбке. Он даже глаза закрыл.

– Раненый... Кешка, я раненый!..

– Ну да, – подтвердил Кешка с завистью. – Это из форточки стекло вылетело и кусочком тебя поцарапало.

Но Мишка не слушал; он приплясывал около зеркала и самозабвенно повторял:

– Раненый, раненый!.. – Потом он спохватился, спросил: – Кешка, у тебя бинты есть?

– Ну, есть.

– Давай перевязывай.

Кешка засмеялся:

– Чего там перевязывать! Йодом смазать – и все.

– Если хочешь знать, – круто повернулся Мишка, – по правилам медицины тут операцию делать надо. Это тебе не рогаткой и не деревянной саблей, а настоящим взрывом. – Мишка расслабленно повалился на стул и запрокинул голову.

Кешка бросился к маминому туалету, достал из тумбочки бинт и вату. Смазал Мишкину рану йодом – Мишка даже не поморщился – и стал

делать перевязку. Мишка то и дело поворачивался к зеркалу, придирчиво осматривал голову и говорил:

– Мотай больше... Ваты не жалея...

Когда голова стала похожа на большой снежный ком, он удовлетворенно кивнул:

– Вот теперь в самый раз. Довольно. – Вдруг Мишка ударил себя по забинтованной голове. – Эхма!.. Может, на улице еще раненые, может, кому помощь нужна?..

Мальчишки бросились к окну.

Уже начался рассвет, голубовато-серый, прозрачный и гулкий. Дворники сметали с тротуаров стекла в большие железные совки. А башня, мрачная бетонная башня, исчезла.

Ребята стояли, раскрыв рты от изумления.

– Начисто, – выдохнул Мишка. – Даже кусков не осталось.

На следующий день ребята во дворе были потрясены. Атомная станция рассыпалась почти что у них на глазах от самого обыкновенного взрыва. Тут было над чем подумать. Забинтованный Мишка мрачно вещал:

– Как грохнет!.. Осколок как зажужжит!.. И рраз – прямо мне в висок... Кешка, скажи...

Кешка все время пытался сказать, что никакого осколка не жужжало, что Мишку, по его, Кешкиному, мнению, поцарапало кусочком стекла из форточки. Но Мишка говорил так убедительно и при этом смотрел на всех с такой простодушной радостью и превосходством, что Кешка поверил. Может, и был осколок. Он ведь под подушками барахтался, мог не заметить. И Кешка согласно кивал головой:

– Ага, прямо в висок.

Ребята с завистью смотрели на забинтованную Мишкину голову, легонько дотрагивались до повязки и сочувственно спрашивали:

– Больно?.. Очень?..

Потом толпой двинулись к серому забору и прильнули к широким щелям в дощатых воротах.

На строительной площадке было пустынно. Словно привстав на цыпочки, тянулись к небесам башенные краны. Они будто не успели еще опомниться, прийти в себя. Деревянные подмости, окружавшие башню, были разобраны и лежали теперь штабелями на земле. И никаких следов разрушения. Только от самой башни остался торчать ровный круг метра в полтора высотой, как будто аккуратно спилили у самого основания. И было чисто. Вероятно, взрыв унес все обломки куда-то далеко за город.

Нет, взрыв не был обыкновенным.

– Что вы, огонь до неба!.. – захлебывался Мишка. – Я сам видел, башня подлетела – и в пыль!..

– Да ну?! – раздался вдруг за спинами ребят густой бас.

Ребята отхлынули от забора. Но страшного ничего не оказалось. У ворот стояла зеленая пятитонка, груженная большими бумажными мешками с цементом. Из кабины выглядывал шофер с широким смуглым лицом.

– Василь Михалыч! – закричал Кешка. – Здравствуйте, Василь Михалыч!.. Ребята, не бойтесь – это Василий Михайлович, наш сосед.

– А это кто? – показал шофер на Мишку. – Что это за чучело?

– Да это Мишка же... Вы его видели. Он еще ко мне ходит.

Василий Михайлович подозрительно оглядел забинтованную Мишкину голову.

– Ну ты, приятель, врать...

Мишка набычился.

– А я врал, да?.. Взорвали башню, каждый знает. Мы с Кешкой лично видели. – Мишка кивнул на закрытые ворота и упрямо повторил: – Даже кусков не осталось, все разнесло.

Василий Михайлович усмехнулся и покачал головой.

– А зачем, по-вашему, ее взрывать?.. Незачем ее взрывать, она громадных денег стоит.

– А куда же она делась тогда? – с подковыркой справился Мишка. – Может, в землю ушла?

Василий Михайлович положил на баранку тяжелые, перепачканные маслом руки и засмеялся:

– В землю... А ну, Кешка, поехали со мной, сам увидишь.

Кешку упрашивать не понадобилось. Он живо забрался в кабину. Василий Михайлович поманил пальцем Мишку.

– И ты, герой, голова с дырой, садись. – Он подождал, пока ребята устроятся на черном промятом сиденье, и нажал сигнал.

Ворота открыл вахтер в брезентовой куртке. Поздоровался.

– Привет, Михалыч, цемент привез?.. А это что у тебя за пассажиры?

– Мои, – односложно ответил шофер и медленно въехал в ворота.

Рабочие быстро разгрузили бумажные мешки с цементом под деревянный навес. Василий Михайлович подогнал пустую машину к самой башне, но, кроме глухой шероховатой стены, с земли ничего не было видно.

– Придется лезть в кузов, – сказал Василий Михайлович. Он помог ребятам и сам ловко перемахнул через борт.

Серые стены башни уходили глубоко вниз, образовав громадный

бетонный колодец.

Мишка потер под носом.

– Чего она?

– Осела, – подсказал Василий Михайлович. – Это ведь не башня.

– Мы знаем... Атомная станция, – вмешался Кешка.

Василий Михайлович расхохотался.

– Вот чудачки!.. Это бассейн. Водоочистная станция, никакая не атомная. Видели глубокую яму – котлован?.. Эту башню-бассейн нужно было строить глубоко в котловане. А работать там неудобно, тесно... Вот инженеры и придумали. Соорудили на дне котлована сваи и бассейн стали строить на сваях, а когда довели его до нужных размеров, сваи подорвали... Он в яму и опустился, бассейн-то, стал на свое место. Скоро сюда по специальному тоннелю грязная вода побежит со всего города. Здесь ее очищать будут. Реки в городе прозрачные станут, как в лесу на природе. Вот, например, в моей деревне, где я, значит, родился. Там в реке все камушки на дне видать... И раки, и плотица...

– А осколки от взрыва были? – с надеждой спросил Мишка.

– Никаких осколков.

Мишка потрогал свою забинтованную голову и, сопя, полез обратно в кабину.

– Ты куда? – схватил его за руку Василий Михайлович. – Ты, это... того. Ты, это, не огорчайся... Я ведь не досконально знаю. Может, и был какой осколок... Может ведь... Да вон у главного инженера спросим. – Шофер замахал рукой высокому человеку в аккуратной брезентовой куртке.

– Ты что, Михайлович, сынов на экскурсию привез? – спросил инженер, подойдя к машине.

– Я бездетный. Это сосед мой с дружкой, – прогудел шофер. – Дружка-то, видишь, осколком поранило. А уж какие тут осколки...

Кешка умоляюще посмотрел на инженера. Тот усмехнулся, потом деловито нахмурил лоб и вытащил из кармана блокнот.

– В каком доме живете?

– Вон, наискосок.

Инженер принялся что-то писать в блокноте. Он бормотал слова, похожие на заклинания: логарифмы, синусы, котангенс, траектория, теория вероятности... Наконец он закрыл блокнот и потрепал Мишку по плечу.

– Был осколок. Вон туда полетел. – Его рука приподнялась и показала на Кешкин дом.

Мишкино лицо просветлело на миг. Но, когда они сели в кабину, Мишка забился в самый угол и отвернулся.

– Чего ты? – утешал его Кешка. – Раз главный инженер сказал, значит, все... По котангенсу и по траектории...

Мишка только плотнее сжимал губы.

Шофер Василий Михайлович молчал. А когда они выехали за ворота, он высунулся из окна и сказал окружившим машину ребятам:

– Был осколок-то... Вот ведь дело какое.

Приятеля вылезли из машины.

– Ну что?.. Куда башня делась? – допытывались ребята, преданно заглядывая Мишке в глаза.

– Никуда она не делась. На месте ваша башня, – отмахнулся Мишка. Он опустил голову и угрюмо зашагал к дому.

Кешка потоптался около ворот, начал было рассказывать ребятам про удивительную башню, но не выдержал и бросился догонять Мишку.

Дома Мишка размотал бинты, снял вату и швырнул все это в помойное ведро.

Кешка попытался успокоить его:

– Чего ты, Мишка?.. С ума сошел?.. Ведь по этой, как ее?.. По теории, ты осколком раненный.

– По этой самой теории он меня за дурака считает, да?.. – огрызнулся Мишка. – Он густо замазал царапину на виске чернилами и подошел к окну. – А еще синус... главный инженер!..

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Есть у каждого человека один замечательный день – день рождения. И подарки тебе, и сласти. Даже шалости в этот день прощаются.

У Кешки день рождения в конце лета. Мама всегда покупает астры, столько штук, сколько лет Кешке исполнилось. Ставит их в вазочку и говорит: «Вот, Иннокентий, стал ты теперь на целый год старше. Пора тебе начать новую жизнь, серьезную». И Кешка всегда эту новую жизнь начинал. По крайней мере, он каждый раз говорил: «Ну вот сегодня я уж обязательно начну...»

Он проснулся, когда мама уже ушла на работу. В комнате красиво убрано. На столе в вазочке девять белых пушистых цветков, завтрак и записка: «Дорогой мой, поздравляю тебя с днем рождения. Мама».

Кешка быстро убрал постель, умылся, позавтракал, подмел пол и помчался во двор.

Во дворе солнце. Под водосточными трубами из щелей в асфальте торчит сухая пыльная трава. Листья на старых корявых липах жесткие и шершавые – скоро начнут желтеть.

Мишка с Круглым Толиком сидят возле выросших за лето поленниц, похваляются, кто лучше провел лето.

– А у меня сегодня день рождения, – объявил им Кешка. – Приходите вечером в гости!

Мишка схватил Кешку за уши, стал тянуть, приговаривая:

– Расти большой, расти большой...

Толик тоже немного потянул. Потом оба сказали: «Придем».

Мама отпросилась с работы пораньше, с обеда. Ей нужно было испечь пирог, приготовить для гостей всякие вкусные вещи.

Кешка помогал ей изо всех сил: расставлял тарелки, резал сыр, колбасу, рыбу, раскладывал ножи и вилки. Он все время прислушивался, когда же зазвонит звонок и пойдут гости.

Первыми пришли Мишка с Толиком. Они были какие-то очень чистенькие и неловкие. По очереди пожали Кешке руку, сказали: «С днем тебя рождения» – и подарили Кешке большую коробку, завернутую в бумагу.

– Пользуйся.

Потом пришли тетя Люся с дядей Борей. Они подарили Кешке портфель с блестящим замком. Потом пришла мамина сослуживица. Потом

мужчина – сослуживец... И пошли один за другим мамы знакомые. Все улыбались, давали Кешке подарки, говорили: «Расти большой, слушайся маму».

– Не люблю я эту канитель, – ворчал Мишка.

– Нас за общий стол посадят или куда-нибудь? – справлялся Толик и шептал: – Чего-то есть охота...

Посадили их за общий стол, даже дали по рюмке и налили в рюмки лимонад.

Гости заулыбались: «Расти большой!.. Умный!.. Слушайся маму!..» Потом они стали маму поздравлять, потом друг друга, потом каких-то своих общих знакомых. Белые астры, стоявшие посреди стола, перекочевали на подоконник.

Толик, Кешка и Мишка пили лимонад, накладывали себе всякой еды, а когда наелись, полезли к столу с подарками. Кешке и Толику очень хотелось посмотреть, что принесли, но Мишка презрительно махнул рукой.

– Ничего там толкового нет. Дребедень – шоколадки какие-нибудь. Толька, доставай нашу игру. Сразимся.

Толик (он проковыривал во всех пакетах дырочки) бросил свое занятие и из груды подарков извлек коробку, которую они с Мишкой принесли.

– Игра «Кто быстрее». Для смекалки, – пояснил Мишка.

В коробке лежала расчерченная на линии и кружочки картонка. Каждому игроку полагалось по три деревянные фишки. Нужно было кидать пластмассовый кубик, смотреть, сколько выпадет очков и на столько кружков передвигать свою фишку. Еще нужно было убежать от идущего сзади, чтобы не сбил. Если собьют, начинай сначала.

Ребята двигали фишки, смеялись и поддразнивали друг друга. Первым шел Кешка. Мишка все время слетал и начинал снова. Мишка не злился, говорил, будто Кешке везет потому, что у него день рождения. В другой день он обязательно бы его обставил.

– Смотрите!.. Это же «Рич-Рач»! – изумленно воскликнул дядя Боря, вылезший из-за стола. – Великолепная игра. Я ею в детстве увлекался. Елизавета Петровна, Люся, идите сюда! – Мама и тетя Люся подошли к ребятам. За ними потянулись и остальные.

– «Рич-Рач»!.. Это же подлинный «Рич-Рач»! – восторгался дядя Боря. – Ребята, у вас три фишки лишние. Можно мне?

– Пожалуйста, – великодушно разрешил Мишка и зашептал: – Ну что, видели, какая игра!.. Это не шоколадки разные, не всякие там тренди-бренди.

А дядя Боря уже кидал косточку и шагал фишкой по полю.

Толик тоже хотел ходить, была его очередь, но это сделала за него тетя Люся. Кешкину очередь отобрала мама. Ребят оттеснили, и Мишка, оставшись один, тоже вскоре выбрался из окружения.

– Тоже мне взрослые!.. В детскую игру занялись, – ворчал он.

– Мы не им подарили, – тосковал Толик, – Кешке подарили.

– Здесь не только вперед сбивать можно, – высоким голосом объяснял дядя Боря. – Здесь еще и лягаться можно, если кто сзади окажется вплотную... Вот смотрите, Елизавета Петровна, я вас сейчас лягну.

Кешка насупился. Толик протолкался к игре, посмотрел исподлобья на дядю Борю и угрюмо произнес:

– Вы, пожалуйста, свою тетю Люсю лягайте, а Кешкину маму не смейте. И вообще мы не вам игру подарили. Кешке подарили...

Толик сгреб картонное поле с фишками и стал, пятясь, протискиваться к ребятам. Но тетя Люся схватила его за руку.

– Что тебе, жалко, что ли?..

– Ишь, какой шустрый! – кисло улыбнулась мамина сослуживица.

Кто-то захохотал. Дядя Боря начал краснеть и протирать очки. Мама растерялась от неожиданности.

– Толик, как тебе не стыдно?..

Через минуту ребята уже сидели в коридоре на старом тетином Люсином сундуке. Из комнаты доносился смех. Дядя Боря объяснял еще какие-то новые правила игры в «Рич-Рач».

– «Рич-Рач» какой-то придумал, – ворчал Мишка. – Сам он Рич-Рач.

– Жалко, – бормотал Толик, – рано выгнали... Торт бы хоть попробовать... А то все сами съедят.

Кешке было стыдно перед ребятами. «Вот пригласил друзей на свой собственный день рождения...» Он вздыхал, думал, чем бы занять своих гостей, наконец предложил:

– Пойдемте в кухню, там у нас лампочка шипит.

Лампочка на самом деле шипела. Вернее, она тихонько звенела, потрескивала и еще как будто произносила все время букву «С». Так: «С-с-с-с!..»

– Ни у кого такой лампочки нет, – похвастал Кешка. – Мишка, скажи, почему она такая?

Мишка задрал голову, начал кружиться под лампочкой. Он глубокомысленно хмыкал, щурился, чесал нос. Потом заявил:

– Наверно, в нее воздух проходит. Дырка, наверно, есть.

– Лампочка с дыркой не загорится, – возразил Толик. – Из нее электричество выскакивать будет.

Мишка хотел что-то растолковать Толику, но в эту минуту в кухню вошла мама.

Лицо у нее было уже не сердитое. Она обхватила ребят руками.

– Ладно, будет дуться. Идите в комнату. Никто бы вашу игру не съел... Идите, я вас тортом накормлю.

– Не пойдем мы в комнату. Нам здесь веселее, – сказал Кешка.

Мама погрустнела, улыбнулась растерянно.

– Ладно, тогда я вам сюда торта принесу.

Она принесла им три больших куска с кремовыми загогулинами, бутылку лимонада и конфет.

Ребята уселись к тетиному Люсиному столу. Они ели торт и конфеты.

Потом в кухню выбежала тетя Люся.

– Ну, как вы тут?.. Торт едите?.. Хотите, селедочки принесу? После сладкого селедка очень хорошо. Хотите? – И, не дожидаясь ответа, убежала.

Селедка после торта и конфет оказалась действительно очень вкусной. Ребята ели селедку и слушали, как шипит лампочка.

– Я догадался, почему шипит, – вскочил вдруг Мишка. – Контакт слабый... У нас однажды такое было. Отец сразу починил.

– А ты можешь? – спросил Кешка.

– Пустяки, делать нечего... Давайте табуретки и ножик.

Мишка подставил под лампочку табурет, взгромоздил на него другой и с помощью товарищей взобрался наверх. Схватился за лампочку, отдернул руку.

– Фу-у... Горячая...

Кешка подал ему тряпку.

Мишка обмотал тряпкой лампочку, повернул – и в кухне стало темно. Лишь на потолке желтым облачком покачивался отсвет уличного фонаря. Мишка засунул лампочку в карман вместе с тряпкой.

– Теперь нож давайте!..

Кешка приподнялся на цыпочки, вложил в Мишкину ладонь широкий кухонный ножик.

– Сейчас... Сейчас... – бормотал Мишка. – Контакт отогнем – и все. Без звука работать будет. Как надо... – Мишка сунул ножик в патрон. Посыпались голубые искры. Раздался сухой треск. Мишка вскрикнул, выронил нож, пригнулся – и потерявшие равновесие табуретки загремели на пол. Все это случилось в одну секунду.

Мишка лежал у стола, за которым они только что ели торт и селедку. Он удивленно кряхтел, растирал ушибленные бока, тряс рукой.

А в коридоре уже раздавались голоса:

– Что случилось?! Почему свет погас?! Замыкание, наверно... Всегда, как только люди соберутся, как только за стол...

В кухню вбежали дядя Боря и мама. Дядя Боря чиркнул спичку.

– Конечно, замыкание!.. Видите, они что-то с патроном сотворили.

Ребята поднимали Мишку. Он шепотом оправдывался:

– Эх, забыл выключатель повернуть!..

В кухне уже горела свеча.

– Что вы наделали? – допытывалась мама. – Где лампочка?..

– Вот она... – Мишка вытащил из кармана тряпку. На пол посыпался звонкий стеклянный дождь.

– Осторожнее! – бросилась к нему мама. – Неужели вы спокойно сидеть не можете?..

– Мы ее починили, – бормотал Кешка. – Чего она шипит? – А про себя Кешка думал: «Ну вот, всегда, как только новую жизнь начнешь, все не так получается...»

Мамин сослуживец и еще один знакомый полезли ввинчивать пробки. А тетя Люся стояла посреди кухни и возмущенно отчитывала Кешку:

– Что это у тебя за мода, не понимаю... Людей пригласили на день рождения, а ты свет портишь.

– Ну, ничего страшного не произошло, – убеждала ее мамина сослуживица. – Они ведь дети еще.

Кешкина мама стояла у плиты, смотрела на притихших ребят.

Мишка и Толик подталкивали Кешку в бока: извинись – и дело с концом.

Но мама не стала ругать Кешку. Она даже потрепала его по голове. Она, наверно, простила ему: ведь у Кешки был день рождения, а в этот день наказывать ребят не принято.

КОПИЛКА

Круглый Толик был невысок и, мягко выражаясь, полноват. Стриженная под машинку голова очень напоминала волейбольный мяч, к которому прилепили вздернутый любопытный нос, приладили шустрые глаза и два чутко оттопыренных уха. Ребята любили его за доброту, за незлобивый, покладистый характер.

Родители Круглого Толика были геологи. Еще прошлой осенью они уехали в Казахстан, в пустыню – искать олово. Толик просил: «Возьмите меня...» Но родители отвечали, что не могут этого сделать: живут в очень трудных условиях. И вот этим летом, когда почти все население двора разъехалось по дачам и пионерским лагерям, родители все-таки забрали его к себе в пустыню, и правильно сделали, потому что с Толиком приключилась беда.

Беда стала подкрадываться с того самого дня, когда в доме появилась тетя Рая. Тетя Рая – старшая сестра Толикова отца; ведь, как ни говори, оставлять мальчишку одного – рискованное дело.

Родители уехали. Тетя Рая сразу же навела в доме свои порядки. Она постелила всюду вышитые салфеточки, расставила на книжных полках фарфоровые безделушки, которых навезла с собой великое множество. На письменный стол, где Толик готовил уроки, тетка водрузила большущую толстобокую собаку с прорезью на спине.

– Зачем мне такое чучело? – отпихнул собаку Толик.

Тетя Рая возмутилась.

– Как тебе не стыдно?.. Я украсила комнаты художественными изделиями, а ты недоволен. На что была похожа квартира?.. Сарай! Никакого уюта!..

– Я не про уют говорю... Я про собаку, про вот эту, – Толик ткнул пером в блестящий собачий бок.

– Что ты делаешь? – Тетя побледнела... – Это английский фаянс!.. – Она беззвучно пошевелила губами, потом показала на прорезь острым, как карандаш, пальцем.

– Вот сюда ты можешь класть свои деньги... А если ты будешь хорошо учиться и слушать меня, я тоже стану опускать в твою копилку монетки. – На тетиных губах восстановился прежний синеватый оттенок; она даже улыбнулась чуть-чуть. – Когда копилка будет полная, купишь себе какую-нибудь хорошую вещь. Копилка очень организует детей.

Тетя Рая проследовала на кухню готовить обед, и лицо у нее было такое важное, словно она прочла лекцию в университете.

Толик долго сумрачно пыхтел, двигал ежиком на голове, наконец выкрасил собачий нос фиолетовыми чернилами. А во дворе пожаловался ребятам:

– Собаку какую-то мне на стол поставила... Уродину.

– Да пусть стоит, не ругаться же с теткой из-за собаки, – посоветовал обстоятельный Мишка. – Кормит-то она тебя как?

– Кормит хорошо, вкусно, – признался Толик.

– Не дерет?

– Нет.

Ребята решили, что с такой теткой жить можно. А если начнешь с ней ссориться, – напишет родителям, чего доброго.

Тетка серьезно взялась за воспитание «бедного мальчика». Она проверяла у него уши после мытья. Заставляла подвязывать салфетку за обедом. Не разрешала класть локти на стол и свистеть. С этим бы Толик смирился. Но тетка запретила ему громко петь, бегать по коридору и, самое унижительное, прикалывала к его воротнику белый шелковый бант. Толик, выходя гулять, еще на лестнице снимал его и прятал в карман. Тетя запретила Толику говорить: «Мишка, Кешка».

Каждый день тетя проверяла Толиков дневник. Толик учился вполне прилично. Двоек у него никогда не было, тройки изредка попадались. Зато за каждую хорошую отметку тетя Рая опускала в копилку двухкопеечные монеты. За четверку – четыре, за пятерку – пять. Делала она это важно и со вкусом. Медленно выпускала монетки из пальцев и прислушивалась к звуку, который они рождали в темной глубине фаянсового уродца. А когда Толик принес табель за первую четверть, тетя подняла копилку и потрясла ее около Толикова уха. В животе у собаки глухо зазвенели монеты. Тетя улыбнулась значительно и поставила собаку на место. Толик подождал, пока тетя вышла в кухню, и принялся шарить в своем столе, в карманах, даже в старом папином пальто, которое висело на вешалке в коридоре. Он разыскал несколько медяков, немного серебра, бумажный рубль и запихал все эти деньги в копилку. Поднял ее и потряс, как тетя, около уха. Ему показалось, что монеты звякнули веселее и громче.

– Рубля два, наверное. Всех ребят в кино сводить можно... Тетя Рая! – закричал он. – Тетя Рая!..

Тетя Рая возникла в дверях, держа на весу перепачканные в муке руки.

– Тетя Рая, пора уже ее разбивать... Деньги доставать...

Брови у тети Раи поползли вверх, а уголки губ – вниз.

– То есть как это пора?

Толику не хотелось говорить, что он поведет всех ребят в кино. Он подумал минутку и заявил:

– Я кирзовую покрывашку покупаю... для футбола.

Тетя скривила губы.

– Откуда у ребенка может быть фантазия!.. Покрывашку!.. Какие-то дикие желания... Копилку мы разобьем торжественно, когда она наполнится вся. В ней будет рублей десять или двадцать. Что можно купить на такие деньги?

– Ружье! – выпалил Толик.

– Можно и ружье, – согласилась тетя. – Можно, но не нужно. Ты еще мал, и ружье тебе ни к чему... Хороший фотоаппарат, например.

Об этом стоило подумать. Фотоаппарат – вещь безусловно дельная: можно всех ребят во дворе фотографировать.

Толик решил копить деньги.

Кроме завтраков, бутербродов, завернутых в вощеную бумагу, тетя давала Толику каждый день по десять копеек на молоко. Толик честно ходил в столовую и выпивал стакан молока за шесть копеек, а на остальные покупал конфет. Однажды Толик заигрался на большой перемене и забыл про молоко. А когда вспомнил, то уже пора было идти домой. В этот день его сбережения пополнились сразу на гривенник. Толик опустил его в копилку, и тут его осенила блестящая мысль: можно прожить и без молока. Зато денежки.

Теперь Толик каждый день осторожно, чтоб не видела тетка, запихивал гривенники в свою копилку... Он даже по улице стал ходить с опущенной головой. Бывает ведь: находят люди деньги. Вот Мишка один раз целый рубль нашел. Все тогда так наелись мятных конфет – даже язык щипало и щеки изнутри словно облезли.

Толик и учиться стал лучше, чтобы тетя побольше клала в копилку монет. Нет ничего позорного в том, что человек честно копит деньги на фотоаппарат. Ребята даже поощряли Толикову затею. Правда, Мишка ворчал, что Толик берет от тетки деньги за хорошие отметки.

– Ты смотри, не очень-то уж перевоспитывайся... А то будешь гога с бантом.

После Октябрьских праздников, когда на улице выпал первый крепкий снежок, Кешка позвал Толика на угол к лоточнице, купить конфету. Кешка долго выбирал, глотая слюну.

– Купи вот эту с белым мишкой, – подталкивал его Толик. – Она, смотри, большая, из чистого шоколада.

Кешка купил конфету, прочертил ногтем посередине полоску. Половину откусил сам, половину дал Толику.

– С вафлями, – шептал Толик. – Вот бы такие каждый день!..

Кешка молчал, боялся упустить изо рта хоть капельку растаявшего шоколада; наконец он облизал перепачканные, сладкие пальцы.

– Ну, покупай теперь ты.

Толик проглотил сладкую слюну, шагнул к лоточнице. Под стеклом лежали всякие конфеты: и толстые, и тонкие, и шоколадные, и леденцовые. Толик выбрал самую дорогую, с петухом на фантике, храбро вытянул из кармана двугривенный, но, когда подавал его продавщице, в груди что-то сжалось, и он чуть слышно пробормотал:

– Мне вот эту... за две копейки.

Кешка посмотрел на Толика исподлобья, растерянно и удивленно. Потом вздохнул и, ничего не говоря, пошел в подворотню.

Свертел Толик дома из бумаги трубку, сплющил ей конец и подул. Трубка загудела. «Изобрел!.. Надо ребятам показать!..» Толик выскочил во двор, повертелся возле поленниц. Но никого, кроме Людмилки да самых маленьких малышей, во дворе не было.

– Людмилка, смотри, что я изобрел!.. – Толик сунул трубку в рот и загудел. – Здорово?.. Сидел-сидел и изобрел.

Людмилка посмотрела на трубку, попросила погудеть, а потом сказала:

– Давай, Толька, меняться. Ты мне трубку, а я тебе какую-нибудь вещь. – Людмилка вытащила из кармана ломаную точилку, зубочистку, кусок синего стекла и копеечную монету с дыркой.

Толик осмотрел разложенные на Людмилкиной ладони богатства. Взял монетку.

– Будет считаться, что ты у меня купила.

Людмилка кивнула.

Толик отдал Людмилке трубку и побежал домой. Дома он нарезал плотной бумаги и начал крутить на карандаше трубки. Одни он делал потолще, другие потоньше. Одни гудели басом, другие тонко, как мышшь. Толик накрутил полную коробку из-под ботинок и вышел во двор.

– Последнее изобретение! Музыкальные флейты!..

Маленькие ребяташки окружили Толика.

– По копейке, ребята... Вы мне копейку, я вам две трубки... Дешево. Даром отдаю...

Мальши принялись рыться в карманах. Предлагали Толику ломаные брошки, детали заводных игрушек, формочки для песка. Толик не брал. У одного мальчика нашлось в кармане четыре копейки.

– Сколько на эти деньги? – спросил он.

Толик деловито отсчитал ему восемь штук.

Мальчишка засунул в рот сразу несколько трубок. Остальные ребяташки помчались домой за деньгами, и скоро Толик бойко торговал, расхваливал свой товар, давал наставления, как пользоваться.

Торговля была нарушена, когда у Толика осталось всего три трубки. К поленнице подошли Мишка с Кешкой.

– Мишка, смотри, что я изобрел!.. – закричал Толик, оттолкнув покупателя в красном башлыке. – Смотри, сидел-сидел и изобрел...

– Изобретатель! У малышей копейки выманиваешь, жаба!.. – Мишка вызывающе сплюнул Толику под ноги. – Мы с Кешкой из парадной смотрели... Кулак ты! Капиталист! Буржуйская морда!

Мишка с Кешкой гордо отвернулись и пошли прочь. А Толик, задыхаясь от обиды, помчался домой.

– Завидно, что я изобрел... – Толик ожесточенно накручивал бумагу на карандаш, намазывал швы гуммиарабиком. – Завидно, что я аппарат покупаю... А еще товарищи были... – Второпях Толик совал перепачканные клеем пальцы в рот. Язык у него щипало от соленого гуммиарабика. Глаза щипало тоже. – Ладно, ладно... Попросите еще аппарат...

Когда Толик снова вышел с полной коробкой трубок, весь двор гудел. На бревне у поленницы сидели Мишка и Кешка и смеялись.

– А ну, подходи!.. Последнее изобретение Круглого Тольки – музыкальная флейта!.. Раздается бесплатно!.. А ну, кому?

Мишка и Кешка доставали из тетради цветной листок и ловко скручивали трубки. Они отдавали их малышам взамен намокших.

– А ну, подходи!..

– Вы не имеете права, – запротестовал Толик. – Это мое изобретение.

– А мы и не говорим, что наше, – ответил Мишка и закричал еще громче: – Последнее изобретение великого изобретателя Тольки Круглого!.. Музыкальная флейта! Бесплатно!!

Толик побежал домой, бросил все трубки в печку и поджег их.

«Ладно, – думал он, глядя на огонь, – я им еще отомщу. Запрыгают».

И случай отомстить вскоре представился.

Толик шел из школы и увидел Мишку. Мишка вытаскивал из подвала целый мешок старых обоев. Рядом стоял Кешка и допытывался:

– Чего это, Мишка?..

– Вторсырье. Ты помоги, Кешка, ладно?.. У нас в школе бумагу собирают, и бутылочки, и железный лом еще.

– Это зачем? – Кешка сунулся в мешок, словно он никогда не видал старых обоев.

– Чудак смешной! Это же государству, понимаешь, помощь... Вторсырье. Такое очень важное сырье... Из старой бумаги можно сделать новую и не нужно деревья спиливать. А бутылки только хорошо помыть, и все – снова наливай в них духи и лекарства... А из металлолома даже трактор можно настоящий сделать. Ну так чего?.. Поможешь?..

– Ладно, – согласился Кешка. – И для моего класса тоже... Пошли собирать!..

– Завтра начнем.

В школе, где учился Толик, тоже собирали бумагу и бутылочки. Некоторые ребята из их класса уже принесли утильсырье, а Толик все откладывал. Но теперь!..

Он помчался домой, нашел старую кошелку.

«Все с носом останетесь... Я первый все бутылочки и всю бумагу в доме соберу... Вы у меня побегаετε по лестницам...» Толик наспех проглотил суп и макароны с сосисками, наврал тетке, что торопится в школу на мероприятие и что он скоро придет.

На шестом этаже на лестнице было светлее, чем внизу. Стены домов не загораживали небо.

Толик осмотрелся и неуверенно нажал кнопку звонка.

Дверь открыла пожилая женщина в переднике.

– Чего тебе, мальчик?..

– Бумага и флакончики у вас есть?

Женщина удивленно наклонила голову, будто не расслышала.

– Это для государства надо. Сырье, понимаете?.. Сейчас школы собирают.

Женщина улыбнулась.

– Пойду посмотрю, может, и найдется что-нибудь. – Она прикрыла дверь. А Толик уже звонил в другую квартиру:

– Бумага и флакончики у вас есть?.. Государству помощь... Ценное сырье для промышленности...

Он сразу заметил, что слова «в помощь государству» удивительно действуют на людей. Все начинают улыбаться, хвалят его и несут всевозможные бутылки, бумагу, старые подсвечники, лампы, тарелки, кастрюли, мятую, позеленевшую, но очень ценную для промышленности медь.

Толик обходил лестницу за лестницей. Он уже два раза бегал домой, выгружал на кухне кошелку. Хорошо, что тетя Рая ушла в магазин; чего

доброе, еще заставила бы все выбросить. Толик любовался на пыльную кучу, бормотал:

– Во у меня сколько вторсырья!.. Мишка от зависти лопнет. – И мчался за новой добычей.

Дверь одной из квартир ему открыл молодой парень в вязаной безрукавке, с сеткой на волосах. Глаза у парня были маленькие, с легким прищуром и какой-то затаенной усмешкой. Выслушав Толиковы объяснения, парень спросил, удивленно приподняв брови:

– Ты что, в самом деле все это добро в школу понесешь?

– Ага, – кивнул Толик.

Глаза у парня еще больше сощурились.

– В самом деле?

Толик, не зная почему, вдруг начал краснеть.

– Понятно, – протянул парень и засмеялся. – Правильно, пацан, так и действуй. С бумагой не возись, тащи ее в школу – гроши стоит. А вот флаконы и медяшка – деньги. И государству польза, и тебе хорошо, и школа довольна будет... – Парень подмигнул и закрыл дверь.

Толик поставил кошелку на ступеньку, почесал затылок. «Вот это голова!»

Обход лестниц Толик закончил поздно вечером. Дома разобрал добычу, разложил на кучки; бумагу связал бечевкой, флаконы помыл. Медь сложил в старый, еще детсадовский, мешок из-под калош.

На следующий день Толик отнес бумагу в школу и сразу же после занятий отправился сдавать бутылочки и медь: большие бутылки – в продуктовый магазин, маленькие – в аптеку. Мешок с медью потащил на берег реки. Там стоял ларек утильщика.

Вокруг голубого фанерного домика были навалены рогожные мешки с костями, бумага и тряпье.

Утильщик взвесил медь на ржавых весах и такими ржавыми гирями, будто они пролежали года четыре на свалке. Толик тоскливо подумал, что и деньги утильщик даст ему не иначе как ржавые.

– Полтинник, – кратко определил старик утильщик.

Толик заспорил. Но у старика было такое безразличное лицо и такой скучный голос, что Толику стало даже не по себе. Он забрал деньги и, ругая про себя утильщика старым хрычом и обжималой, побежал домой. В кармане куртки, застегнутом булавкой, были три новеньких рубля и полтинник. Настроение Толика по мере приближения к дому все поднималось. Ему стало совсем весело, когда он вбежал во двор. У поленницы Мишка с Кешкой расправляли здоровенный мешок. Они

вытрясли из него щепки, опилки и пошли на лестницу, даже не взглянув на Толика.

«Идите, идите, голубчики... Шиш вам вместо сырья...» Толику очень захотелось посмотреть, какие лица будут у ребят, когда они возвратятся несолоно хлебавши.

Ребята выскочили из парадной буквально через три минуты и прямехонько направились к нему.

– Ты и тут успел? – свирепо спросил Мишка.

Толик сделал наивное лицо.

– Не отопрешься, нам Людмила сказала. И еще одна тетка...

Толик боялся, что Мишка огреет его сейчас кулаком. Но Мишка только зубами скрипнул.

– Что с тобой, жабой, разговаривать!.. Пошли, Кешка, в соседний дом.

Толик спохватился – чего стоять, надо тоже бежать по соседним домам, там небось тоже бутылочки есть. Он было бросился со двора, но тут его окликнули:

– Слышь, активист!..

Толик обернулся. Неподалеку стоял вчерашний парень в пальто нараспашку.

– Хочешь дублон заработать?

– Какой дублон?..

– Ну, гривенник...

– Хочу, а чего делать надо?

– Сбегай в киоск за папиросами. Скажешь, Владик просит.

Толик взял протянутые парнем деньги и помчался за угол к табачному киоску. Инвалид, торговавший папиросами, сначала ни в какую не давал, но когда Толик сказал, что он от Владика, продавец сунул ему «Беломорканал» и коробок спичек. Обрато Толик бежал на последней скорости. В одной руке он крепко сжимал папиросы, а в другой – сдачу, двадцать семь копеек. Парень взял папиросы, сказал: «Молодчик» – и протянул ему всю сдачу.

– Бери, шкет, уважай мою доброту.

Дома Толик пересчитал сегодняшний доход и осторожно, подправляя пером, запихал рубли, серебро и медь в узкую прорезь копилки.

Каждый день, приготовив уроки, чтобы тетя не делала ему выговоров, Толик брал кошелку и отправлялся в соседние дома за бутылочками и медью. Бумагу Толик по-прежнему носил в школу. О нем даже в классной газете написали. Даже картинку нарисовали. На большой куче бумаги стоит Толик и держит в руке пачку тетрадей. Внизу надпись: «Из бумаги, которую

собрал Толик Смирнов, можно сделать тетради для всего класса».

Несколько дней Толик крутился возле газеты; ему было приятно, когда спрашивали: «Где ты столько бумаги берешь?..»

Мишка и Кешка с Толиком не разговаривали. Они его просто не замечали. Лишь один раз за последнее время они повернули головы в его сторону, посмотрели на него. И как посмотрели!.. Он получил от утильщика деньги за дырявый латунный таз, а они, мокрые, перемазанные в ржавчине, выковыривали из льда железную кровать, старую, искореженную, пролежавшую здесь, наверно, с самой блокады.

Толиком в этот день завладела тоска.

В комнате над диваном висела картина, даже не картина, а, как говорил отец, этюд очень знаменитого художника Авилова. На полотне был нарисован конный стрелец. Собственно, и коня-то там целиком не было, только большая свирепая голова, изо рта пена, ноздри раздуты... А стрелец поднес к глазам руку в кожаной рукавице, натянул удила, и все ему нипочем. И лицо у него веселое, открытое, смелое. Папа отдал за нее всю зарплату и долго не решался сказать об этом матери. Он вздыхал и подмигивал Толику: мол, будет нам на орехи.

Мать не ругалась. Повесила картину на самом видном месте, над диваном... Почти месяц ели они одну картошку с постным маслом. Стрелец на картине смеялся, и они смеялись, глядя на него.

Зато тетя Рая прямо возненавидела стрельца.

– Эта мазня меня раздражает, – кривилась она. – Искусство должно успокаивать, ласкать взгляд. Как можно жить, когда у тебя за спиной кто-то скалит рот?..

Толик одно время даже собирался снять картину, чтобы угодить тете. Сейчас он сидел за столом, смотрел на веселого стрельца и думал: «Все от меня отвернулись, все друзья. А что я плохого сделал – на аппарат коплю». Стрелец сдерживал своего сумасшедшего коня, в глазах у него полыхало буйное озорство и насмешка. «Вот если бы я картину снял, от меня бы и родители отвернулись», – подумал Толик. Ему стало еще тоскливее.

Парень, которому Толик бегал за папиросами, часто останавливал его во дворе, спрашивал:

– Ну как, активист?.. Живешь?

Толик почему-то спешил улыбнуться.

– Ага... Живу...

– Ну, живи... Слетай-ка мне за колбасой. Сдача, как водится, за работу.

Толик бегал. Парень давал ему гривенники. А однажды Толик заработал у него сразу рубль. Случилось это просто. Парень, как обычно, с

ухмылкой предложил:

– Слушай, активист, слетай к цирку. Там к тебе мужчина подойдет. Вот отдашь ему пакет. Это очень важный пакет, а мне, понимаешь, некогда. На ответственное совещание тороплюсь. Целковый за работу, понял?.. – Парень вытащил из кармана гривенник, протянул его Толику. – Командировочные на дорогу.

– Хорошо, дяденька, я мигом.

– Не зови меня «дяденька»... Мы ведь приятели? Зови просто Владик.

Толик порозовел от удовольствия. Поспешно сунул мягкий пакет под мышку и помчался на остановку трамвая. У цирка Толика одолела тревога. Перед фотовитринами толпилось много народа. Из трамваев то и дело выходили пассажиры. Дворники сгребали грязный снег в кучи. «Кому же отдать?..» Толик растерянно бродил у ярко освещенного подъезда. Вдруг к нему подошел высокий мужчина в серой каракулевой шапке.

– Что Владик велел передать для меня? – спросил он, приветливо улыбаясь.

– Вот этот пакет, – ответил Толик и испугался: вдруг это не тот мужчина! Он покрепче прижал к себе пакет, пробормотал: – А это, может, не вам вовсе?..

– Мне, – засмеялся мужчина. – Ты мне – пакет, я тебе – рублевку. Так ведь?..

– Так, – ответил Толик и покраснел.

Мужчина вытащил из кармана серебряный рубль.

– Сходи в кино, купи себе чего-нибудь вкусного. А сейчас поезжай домой.

Мужчина говорил совсем по-домашнему, словно был родным дядей. Даже в трамвай посадил и помахал рукой на прощание.

– Владика привет передай!..

– Передам, – высунулся с площадки Толик.

«Хороший дяденька, – подумал он, – наверно, артист какой-нибудь».

Владика Толик встретил в подворотне.

– Ах, активист!.. Видишь, как удачно: возвращаюсь с совещания, и ты тут как тут. Передал?..

Толик торопливо закивал головой.

– Ага... Каракулевая шапка... Хороший такой дяденька... И рубль мне дал.

– А как же!.. Труд нужно вознаграждать.

Толик еще несколько раз ездил по поручению Владика в разные районы города. Передавал свертки, записки. Привозил Владика тоже

свертки и записки.

Копилка наполнялась быстро. Тетя по-прежнему опускала в нее медяки за хорошие отметки; кроме этого, она стала премировать Толика и за хорошее поведение. Все «молочные» деньги тоже находили себе приют в темном собачьем нутре.

Перед самым Новым годом Владик пригласил Толика к себе. Он заметно нервничал, рылся в шкафу, писал что-то очень поспешно и сердито на столике с гнутыми ножками.

– Хочешь трояк заработать? – спросил он вдруг присевшего на стул Толика. И тут же ответил сам: – Понятно, хочешь... На вот, слетай к тому, в каракулевой шапке. Ясно?.. – Он сунул Толику в руки пакет, завернутый в плотную бумагу, и записку...

– Здесь важные образцы. Одна нога здесь, другая там...

– Я только портфель отнесу.

– Срочно надо... Жми с портфелем. Во весь дух давай! – Владик назвал улицу возле цирка и подтолкнул Толика к двери.

Толик пулей выскочил во двор. В подворотне налетел на Мишку и Кешку, ловко перепрыгнул через подставленную ногу и помчался к трамвайной остановке.

– Утиль побежал сдавать, хапуга!.. – Мишка вдруг сорвался с места. – Отнимем, чтоб не задавался.

Приятель дружно затопали вслед за Толиком.

Толик бежал не оглядываясь и только в сквере заметил погоню. Но было уже поздно. Мишка с налету ткнул Толика кулаком в спину. Сверток мягко упал на асфальт... Кешка поддал его ногой. Бумага лопнула, и на чистом, чуть тронутым влагой снегу распластались четыре дымчатые шкурки. Ребята опешили.

Мех на шкурках шелковисто лоснился, переливался мягкими волнами...

– Говори, где украл?! – вцепился в Толика Мишка.

– Мне Владик дал, – испуганно захныкал Толик.

– Врешь, гога несчастный!..

Около ребят остановились прохожие. Седая проворная старушка подошла совсем вплотную и укоризненно погрозила Мишке:

– Я вот тебе, разбойник!.. И не стыдно маленьких бить? А еще красный галстук носишь!..

Мишка хотел огрызнуться, но над его ухом раздался грозный бас:

– Это что у вас происходит?..

Мишкин воротник оказался в сильной пятерне.

Мишка скопил глаза: «Милиционер...»

Милиционер оглядел ребят и ухватил свободной рукой Кешку. Шкурки Кешка уже подобрал; они у него были накручены на руках, как женская муфта.

– Дяденька, это мои шкурки... Мне Владик дал... и записку вот... – залопотал Толик.

Милиционер крепче зажал ребячьи воротники и кратко приказал:

– Следуйте за мной!..

Мишка ухитрился ухватить Толика за рукав.

– Попробуй убеги, гога несчастный... жаба... Я тебе...

Но Толик и не пытался бежать; он покорно семенил рядом с Мишкой.

В дежурной комнате отделения милиции пахло карболкой и мытыми полами. Не рискнув сесть на стулья, ребята примостились на полу возле батареи парового отопления.

Толик снова захныкал.

– Реви... Еще не так заревешь!.. – Мишка ударил себя по лбу. – Я знаю!.. Этот гога связался с браконьерами или с контрабандистами. Я читал, бывает такое...

Кешка придвинулся ближе, с любопытством посмотрел на Толика.

– Правда связался?

Толик захныкал еще громче.

– Перестань, – сердито сказал Мишка. – Надо было раньше соображать. В общем, крышка тебе теперь.

В дверях появился милиционер.

– Заходите!

Ребята очутились в светлом просторном кабинете. У окна стоял высокий плотный майор милиции. Шкурки лежали на столе. Офицер смотрел на ребят и молчал.

– Товарищ начальник, – выступил вперед Мишка. – Он не гад. Он просто запутался. Он на деньги жадный стал.

– Кто запутался? – строго спросил майор.

– Как кто?.. Вот, гога с бантом... – Мишка подтолкнул Толика к столу.

Майор подошел ближе и теперь смотрел на Толика сверху, большой и угрюмый.

– Ну что ж, Гога. Поведай, откуда у тебя выдра. Вот эти шкурки.

Толик переминался с ноги на ногу. Ему хотелось уцепиться за Мишкин рукав. Но Мишка смотрел отчужденно. Толик сделал два робких шага и уцепился за стол.

– Я... Я не украл... Это Владик попросил отвезти пакет к тому. К

каракулевой шапке... А они вот напали...

Майор наморщил лоб, кивнул Мишке и Кешке:

– Посидите в дежурной комнате.

Сидеть пришлось долго. Наконец из кабинета вышел майор.

– Молчать умеете?

– Как гробы!..

– Так вот... Где были, что делали – никому. Ясно?..

– А с Толиком что будет? – спросил Кешка. – Неужели его...

– Да если хотите, мы его во дворе на сто процентов отлупим. Он же ведь не гад какой... – пробасил Мишка. – Да мы ему!..

Майор насупился.

– Уговор помните?

– Помним.

– Все... Бегите домой.

Через несколько минут ребята сидели в своем излюбленном месте, на бревне между поленницами, молчали и думали.

А Толик тем временем шагал к цирку. Он прижимал к боку мягкий пакет, завернутый в серую плотную бумагу.

Он часто оглядывался, смотрел на номера домов. Наконец остановился около старого, с облупленным фасадом здания, вошел в подворотню. Почти в тот же момент к дому подкатила черная «Победа»...

Всматриваясь в полустертые номера квартир, Толик медленно поднимался по лестнице. Наконец он отыскал дверь, обитую белой медицинской клеенкой, и, привстав на цыпочки, позвонил.

Дверь неожиданно распахнулась. На площадку шагнул мужчина в домашних туфлях и толстой шерстяной куртке:

– Ты зачем здесь?..

Толик торопливо проглотил слюну.

– Я... Меня Владик прислал... Вот это вам... И записка.

Мужчина взял записку, быстро пробежал ее глазами, нахмурился и почти вырвал пакет из рук Толика.

– Ты чего такой?.. Моченый... Случилось что-нибудь?..

Внутри у Толика похолодело.

– Не... У меня голова болит. Я отказывался, а Владик говорит – срочно... Вот я и поехал.

– Пойдешь мимо аптеки, купи пирамидон, – мужчина достал из кармана пятнадцать копеек, протянул Толику и ласково провел ладонью по Толиковой щеке.

«Вот он какой хитрый! – думал Толик, спускаясь вниз по лестнице. –

Добрый притворяется, паразит... Недаром майор говорил, что это опытный и осторожный спекулянт».

На площадке первого этажа мимо Толика прошли четверо мужчин. Он посторонился, пропуская их наверх.

* * *

От всех передрыг и переживаний Толик позапустил уроки, и его теперь частенько оставляли в школе заниматься. Тетка ворчала, допытывалась, не заболел ли.

Однажды, когда он поздно возвращался из школы, его еще в подворотне встретили Мишка с Кешкой.

– Толька... Тут к тебе майор приходил. Хотел тебя видеть, – наперебой выкладывали они. – Велел зайти к нему. Вот бумажку оставил, чтобы тебя пустили.

Толик положил бумажку в карман и, понутив голову, побрел домой. Через несколько минут Толик снова появился во дворе с тяжелым, завязанным в материн платок предметом в руках.

Толик развязал платок в просторном кабинете майора и поставил на стол большую фаянсовую собаку с глупыми блестящими глазами.

– Это что еще за фигура? – спросил майор. – Зачем ты ее сюда приволок?..

– Вещественное доказательство, – пробормотал Толик. – Там деньги, которые они мне давали.

Майор покачал головой.

– И не жалко?.. Ведь там у тебя и за утиль, – он улыбнулся, сощурил глаз. – И за хорошие отметки...

Толик покраснел.

– Откуда вы знаете?..

– Мы все про тебя знаем. – Майор постучал по собаке карандашом. – Английский фаянс. Попадет тебе от тетки!

– Попадет, – согласился Толик. – А я все равно обратно не возьму.

СИМА ИЗ ЧЕТВЕРТОГО НОМЕРА

Был мальчишка высок и худ, непомерно длинные руки держал глубоко в карманах. Голова на тонкой шее всегда немного клонилась вперед. Ребята прозвали его Семафором.

Мальчишка недавно переехал в этот дом. Он выходил во двор в новых блестящих калошах и, высоко задирая ноги, шагал на улицу. Когда он проходил мимо ребят, то опускал голову еще ниже.

– Ишь, воображает! – злился Мишка. – Знаться не хочет... – Но гораздо чаще Мишка кричал: – Семафор, поди сюда, поговорим!..

Ребята тоже кричали вдогонку мальчишке разные насмешливые, а подчас и оскорбительные слова. Мальчишка только ниже опускал голову и ускорял шаг. Иногда, если ребята подходили к нему вплотную, он смотрел на них голубыми, очень большими, чистыми глазами и молча краснел.

Ребята решили, что Семафор для такого хлипака слишком хорошая кличка, и стали звать мальчишку просто Сима, а иной раз – для верности – Сима из четвертого номера. А Мишка все злился и ворчал при виде мальчишки:

– Надо этого гуся проучить. Ходит тут!..

Однажды Сима исчез и долго не появлялся во дворе. Прошел месяц, два... Зима стала слабеть и хозяйничала на улице только по ночам. Днем дул с Финского залива теплый ветер. Снег на дворе посерел, превратился в мокрую грязную кашу. И вот в эти по-весеннему теплые дни опять появился Сима. Калоши его были такие же новые, будто он и не ходил в них вовсе. Шея еще плотнее обмотана шарфом. Под мышкой он держал черный альбом для рисования.

Сима посмотрел на небо, сощурился, словно отвык от света, замигал. Потом он направился в дальний угол двора, к чужой парадной.

– Эге, Сима вылез!.. – удивленно присвистнул Мишка. – Знакомство, никак, завел.

По лестнице, куда шел Сима, жила Людмилка.

Сима подошел к парадной и стал медленно прохаживаться взад-вперед, нерешительно поглядывая в темный проем лестницы.

– Поджидает, – усмехнулся Круглый Толик, – Людмилку свою...

– А может быть, вовсе и не Людмилку, – вставил Кешка. – Чего ему с Людмилкой связываться?

Толик посмотрел на Кешку хитро – мол, знаем, не маленькие – и

сказал:

– Чего он тогда там делает?.. Может, воздухом дышит?..

– Может, – согласился Кешка.

Мишка слушал, как они пререкаются, и о чем-то размышлял.

– Пора действовать, – неожиданно вмешался он. – Пойдем поговорим с этим Симой.

Мишка и Круглый Толик плечом к плечу тронулись вперед. Кешка тоже пристроился к ним. В решительный момент оставлять товарищей нельзя – это называется честь. К трем приятелям пристроилось еще несколько ребят. Они шли по бокам и сзади.

Заметив надвигающуюся на него армию, Сима поднял голову, как всегда, покраснел и улыбнулся робко.

– Ты чего?.. – начал Мишка. – Чего тут?.. Ну, че?

Сима покраснел еще гуще. Пробормотал:

– Ничего... Хожу...

– Он, оказывается, ходит! – засмеялся Круглый Толик.

Мишка подался вперед, заложил руки за спину, повернулся к Симе немного боком и заговорил медленно, угрожающе:

– Ты что, может, нас за людей не считаешь?.. Да?.. Может, ты храбрый?.. Пойдем перекинемся...

Сима обвел всех ребят своими большими глазами, слегка приоткрыл рот.

– А я разве вам сделал что?

– А мы тебя бить не собираемся, – разъяснил ему Мишка, – мы это всегда успеем... Я говорю, перекинемся, пойдем один на один... Посмотрим, что ты за страус такой необыкновенный, что к нам подходить не желаешь.

– С тобой? – переспросил Сима.

Мишка выпятил губу, кивнул.

Сима посмотрел под ноги и совсем неожиданно возразил:

– Так ведь грязно очень.

Ребята дружно захохотали. А Мишка презрительно оглядел Симу с ног до головы.

– Может, тебе персидский ковер постелить?

Сима прижал к себе черный альбом, потоптался на месте и попросил:

– Обождем, а... когда солнце будет?

Ребята захохотали.

Когда насмеялись вдоволь, Мишка шагнул вперед, рванул из Симиных рук альбом.

– Солнце ему надо... Ну-ка, дай поглядеть!

Сима побледнел, вцепился было в Мишкину руку, но его тут же оттеснили.

А Мишка уже раскрыл черную коленкоровую обложку. На первой странице альбома красивыми цветными буквами было выведено:

«Учительнице Марии Алексеевне от Григорьева Коли».

– Подхалимством занимается... Ясно! – Мишка произнес это таким тоном, будто ничего другого и не ожидал.

– Отдайте альбом, – просил за спинами ребят Сима. Он пытался растолкать толпу, но мальчишки стояли плотно.

Некоторые посмеивались, а Мишка кричал:

– Ты, подхалим, не очень, а то я и солнышка дожидаться не стану, отпущу тебе порцию макарон по шее!

Кешка уже не жалел Симу, он стоял рядом с Мишкой и торопил его:

– Переворачивай дальше, чего ждешь?..

На следующей странице был нарисован парусный корабль, бригантина, как определил Мишка. Бригантина неслась на всех парусах. Нос ее зарывался в кипящую густо-синюю волну. На палубе у мачты, скрестив руки, стоял капитан.

– Ух, здорово!..

Ребята насели на Мишку.

Каравеллы, фрегаты, крейсера, подводные лодки рассекали упругие волны. Бушевали акварельные штормы, тайфуны... А на одном рисунке был даже изображен гигантский смерч. Моряки с небольшого суденышка били по смерчу из пушки. После кораблей пошли разные пальмы, тигры...

Кешка подпрыгивал от восторга. Он толкал Мишку под локоть, просил:

– Мишка, дай картиночку... Ну, Мишка, же...

Все забыли, что альбом принадлежит Симе, забыли даже, что Сима стоит здесь рядом.

Мишка закрыл альбом и посмотрел через головы ребят на художника.

– Ты, подхалим Сима, слушай... Поступим по чести и по совести. Чтобы ты не подлизывался к учителям в другой раз, раздадим твои картинки всем, кто захочет. Понятно? – И, не дожидаясь ответа, закричал: – А ну, подходи!.. Красивые картины из морской жизни!..

Листы в альбоме были связаны белой шелковой лентой. Мишка распустил бант на обложке, скомкал первую страницу с надписью и принялся раздавать картинки.

Кешка получил четырехтрубный крейсер «Варяг», фрегат с черным

пиратским флагом. По палубе фрегата бегали пестрые человечки с громадными саблями и пистолетами... Выпросил еще обезьяну на пальме и высокую гору с белой сахарной вершиной.

Раздав все картинки, Мишка подошел к Симе и толкнул его в грудь.

– Проваливай теперь!.. Слышишь?

Губы у Симы задрожали, он закрыл глаза руками в серых вязаных перчатках и, вздрагивая, пошел к своей лестнице.

– За солнышком следи! – крикнул ему вдогонку Мишка.

Ребята хвастали друг перед другом трофеями. Но их веселье было неожиданно нарушено. В дверях парадной появилась Людмила.

– Эй вы, дайте мне картинок, а то все расскажу про вас... Расскажу, что вы бандиты... Зачем Симу обидели?

– Ну, что я говорил? Они друг с другом заодно, – подскочил к Кешке Круглый Толик. – Сейчас бы они пошли к учительнице под ручку... – Толик изогнулся, сделал руку кренделем и прошел, вихляясь, несколько шагов.

Людмила вспыхнула.

– Хулиганы, и вовсе я с этим Симкой не знакома...

– Ну и убирайся, нечего тогда нос совать! – сказал Мишка. – Пошла, говорю! – Он топнул ногой, будто собрался броситься на Людмилку.

Людмила отскочила в сторону, поскользнулась и шлепнулась в снежное месиво у порога лестницы. На розовом пальто с белой меховой оторочкой затемнело громадное мокрое пятно. Людмила заревела.

– И про это т-тоже скажу-у-у... Вот увидите!..

– У, пискля! – махнул рукой Мишка. – Пошли, ребята, отсюда...

У поленицы, в излюбленном своем месте, мальчишки снова стали рассматривать рисунки. Один Мишка сидел понурясь, тер ладошкой под носом и собирал лоб то в продольные, то в поперечные морщины.

– Это какая учительница Мария Алексеевна? – бормотал он. – Может, которая по Людмилиной лестнице живет?..

– Придумал... Она уже третий год в школе не работает. На пенсию ушла, – беспечно возразил Круглый Толик.

Мишка посмотрел на него равнодушно.

– Где так ты умный, когда не надо... – Он поднялся, в сердцах пнул полено, на котором только что сидел, и, оборотясь к ребятам, стал отбирать картинки. – Давайте, давайте, говорю...

Кешке не хотелось расставаться с кораблями и пальмой, но он без слов отдал их Мишке. После того как ушел Сима, ему стало не по себе.

Мишка собрал все листы, вложил их обратно в альбом. Только первая

страница с посвящением была безвозвратно испорчена. Мишка разгладил ее на коленях и тоже сунул под обложку.

На другой день в небе хозяйничало солнце. Оно распустило снежную жижу и веселыми потоками погнало ее к люкам посреди двора. В водоворотах над решетками ныряли щепки, куски бересты, раскисшая бумага, спичечные коробки. Всюду, в каждой капле воды, вспыхивали маленькие разноцветные солнца. На стенах домов гонялись друг за другом солнечные зайчики. Они прыгали ребятам на носы, щеки, вспыхивали в ребячьих глазах. Весна!

Дворничиха тетя Настя сметала с решеток мусор. Ребята проковыривали отверстия палками, и вода с шумом падала в темные колодцы. К обеду асфальт подсох. Только из-под поленниц продолжали бежать реки грязной воды.

Мальчишки строили из кирпичей плотину.

Мишка, прибежав из школы, повесил свою сумку на гвоздь, вбитый в большущее полено, и принялся сооружать водохранилище.

– Давайте быстрее, – надрывался он, – не то из-под поленницы вся вода убежит!

Ребята носили кирпичи, песок, щепки... и вот тут они заметили Симу.

Сима стоял неподалеку от ворот с портфелем в руках, словно раздумывая, куда ему идти – домой или к ребятам.

– А, Сима!.. – закричал Мишка. – Солнышко на небе. Сухо, смотри, – Мишка показал на большую подсохшую плешину. – Ну, что скажешь?

– Может, подушку принести? – съязвил Толик.

Ребята смеялись, наперебой предлагали свои услуги: ковры, половики и даже солому, чтобы Симе не было жестко.

Сима немного постоял на прежнем месте и двинулся к ребятам. Разговоры тотчас смолкли.

– Давай, – просто сказал Сима.

Мишка поднялся, вытер мокрые руки об штаны, сбросил пальто.

– До первой крови или на всю силу?

– На всю силу, – не слишком громко, но очень решительно ответил Сима. Это значило, что он согласен драться до конца, пока поднимаются руки, пока пальцы сжимаются в кулак. Здесь уже неважно, течет у тебя из носа кровь или нет. Победенным считается тот, кто скажет: «Хватит, сдаюсь...»

Мальчишки стали в кружок. Сима повесил свой портфель на один гвоздь с Мишкиной сумкой, снял пальто, завязал шарф вокруг шеи потуже.

Толик шлепнул себя пониже спины и сказал: «Бем-м-м! Гонг!»

Мишка поднял кулаки к груди, заскакал вокруг Симы. Сима тоже выставил кулаки, но по всему было видно, что драться он не умеет. Как только Мишка приблизился, он сунул руку вперед, пытаясь достать Мишкину грудь, и тут же получил удар в ухо.

Ребята думали, что он заревет, побежит жаловаться, но Сима поджал губы и замахал руками, как мельница. Он наступал. Месил кулаками воздух. Иногда его удары доставали Мишку, но тот подставлял под них локти.

Сима получил еще одну затрещину. Да такую, что не удержался и сел на асфальт.

– Ну, может, хватит? – спросил Мишка миролюбиво.

Сима помотал головой, поднялся и снова замолотил руками.

Зрители при драке очень переживают. Они подпрыгивают, машут руками и воображают, что этим самым помогают своему приятелю.

– Мишка, да что ты сегодня!.. Миша, дай!

– Мишка-а-а... Ну!

– Сима, это тебе не подхалимством заниматься... Миша-а!

И только один из ребят вдруг крикнул:

– Сима, держись!.. Сима, дай! – Это кричал Кешка. – Да что ты руками-то машешь? Ты бей...

Мишка дрался без особого азарта. Среди зрителей нашлись бы готовые поклясться, что Мишка жалел Симу. Но после Кешкиного выкрика Мишка набычился и принялся так молотить, что Сима согнулся и только изредка выставлял руку, чтобы оттолкнуть противника.

– Атаc! – вдруг крикнул Толик и первый бросился в подворотню. К поленнице торопливо шла Людмилкина мать; чуть поодаль выступала Людмилка. Заметив, что мальчишки разбегаются, Людмилкина мать прибавила шагу.

– Я вас, хулиганы!..

Мишка схватил свое пальто и шмыгнул в подворотню, где уже скрылись все зрители. Только Кешка не успел. Он спрятался за поленницу.

А Сима ничего не видел и не слышал. Он по-прежнему стоял согнувшись, оглушенный от ударов. А так как Мишкины кулаки вдруг перестали обрушиваться на него, он, видно, решил, что противник устал, и поспешил в наступление. Первый его выпад угодил Людмилкиной матери в бок, второй – в живот.

– Ты что делаешь? – взвизгнула она. – Людочка, этот хулиган тебя в лужу толкнул?

– Не-ет, – проныла Людмилка. – Это Сима, они его били. А толкнул

Мишка. Он в подворотню удрал.

Сима поднял голову, растерянно посмотрел по сторонам.

– За что они тебя били, мальчик? – спросила Людмилакина мать.

– А они меня и не били вовсе, – угрюмо ответил Сима.

– Но я же сама видела, как хулиганы...

– Это был поединок. По всем правилам... И вовсе они не хулиганы. –

Сима надел пальто, снял с гвоздя свой портфель, пошел было прочь.

Но тут Людмилакина мать спросила:

– А это чья сумка?

– Мишкина! – выкрикнула Людмила. – Нужно ее взять. Мишка тогда сам придет.

Тут Кешка выскочил из-за поленницы, схватил сумку и побежал к парадной.

– Беги за мной! – крикнул он Симе.

– Это Кешка – Мишкин приятель. Хулиган!.. – заревела Людмила.

В парадной мальчишки перевели дух, сели на ступеньку лестницы.

– Тебе не очень больно?.. – спросил Кешка.

– Нет, не очень...

Они еще немного посидели, послушали, как Людмилакина мать грозит сходить в Мишкину школу, к Мишкиным родителям и даже в милицию, в отдел борьбы с безнадзорностью.

– Ты этот альбом своей учительнице подарить хотел? – спросил вдруг Кешка.

Сима отвернулся.

– Нет, Марии Алексеевне. Она на пенсии давно. Когда я заболел, она узнала и пришла. Два месяца со мной занималась... бесплатно. Я ей специально этот альбом рисовал.

Кешка свистнул. А вечером он пришел к Мишке.

– Мишка, отдай Симе альбом. Это когда он болел, так Мария Алексеевна с ним занималась... бесплатно...

– Сам знаю, – ответил Мишка.

Весь вечер он был неразговорчивым, отворачивался, старался не глядеть в глаза. Кешка знал Мишку и знал, что неспроста это. А на следующий день случилось вот что.

Ближе к вечеру Сима вышел во двор. Он по-прежнему шел опустив голову и покраснел, когда к нему подскочили Мишка с Толиком. Он, наверное, думал, что опять его позовут драться; вчера никто не сдался, а ведь нужно довести до конца это дело. Но Мишка сунул ему свою красную мокрую руку.

– Ладно, Сима, мир.

– Пойдем с нами водохранилище делать, – предложил Толик. – Ты не стесняйся, дразнить не будем...

Большие Симины глаза засветились, потому что приятно человеку, когда сам Мишка смотрит на него как на равного и первый подает руку.

– Ты ему альбом отдай! – зашипел Кешка Мишке на ухо.

Мишка нахмурился и ничего не ответил.

Кирпичная плотина протекала. Вода в водохранилище не держалась. Реки норовили обежать его стороной.

Ребята замерзли, перемазались, хотели даже пробивать в асфальте русло. Но им помешала маленькая старушка в пуховом платке.

Она подошла к Симе, придирчиво осмотрела его пальто, шарф.

– Застегнись, Сима!.. Ты опять простудишься... – Потом посмотрела на него ласково и добавила: – Спасибо за подарок.

Сима покраснел густо и пробормотал, стыдясь:

– Какой подарок?..

– Альбом. – Старушка оглядела ребят, словно уличая их в соучастии, и торжественно произнесла: – «Дорогой учительнице Марии Алексеевне, хорошему человеку».

Сима покраснел еще гуще. Он не знал, куда деться, он страдал.

– Я не писал такого...

– Писал, писал! – вдруг захлопал в ладоши Кешка. – Он нам этот альбом показывал, с кораблями...

Мишка встал рядом с Симой, посмотрел на старушку и сказал глуховато:

– Конечно, писал... Только он нас стесняется – думает, мы его подхалимом дразнить будем. Чудак!..

КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА

На задний двор редко заглядывали взрослые. Там высились кучи дощатых ящиков, валялись бочки с налипшим на бурые бока укропом. Лежали груды извести и кирпича.

В марте, когда с крыш сбросили снег, задний двор превратился в недоступную горную страну, которую с криком штурмовали альпинисты, отважные и драчливые. Самыми бесстрашными среди них были Мишка и Кешка.

Вскоре горная страна стала оседать. Острые пики обвалились. А в конце апреля задний двор превратился в громадную лужу.

Ребята уже не заглядывали сюда. Девчонки кидали в начерченные на тротуарах квадраты жестяные банки из-под гуталина, именуемые странным словом «скетишь-бетишь», и без усталости прыгали на одной ноге. Мальчишки, вытирая на ходу носы, гонялись друг за другом по всем правилам новой воинственной игры – «Ромбы». И только Сима из четвертого номера остался верен заднему двору. Он выстругал из дощечек, отломанных от ящика, остроносые корабли. Приладил им клетчатые паруса из тетрадки по арифметике и пустил свой флот в далекое плавание.

Плывут корабли, садятся на известковые рифы, причаливают к кирпичным островам. А адмирал Сима бежит по узкой полоске суши у самой стенки дома.

– Право руля!.. Паруса крепи!.. – Но нет у него сил помочь потерпевшим крушение. Лужа глубокая, а башмаки...

Заглянул на задний двор Кешка. Оглядел Симу с головы до ног, сказал, как говорят взрослые:

– Сима, у тебя здоровье хлипкое, а ты вон вымок весь. Подхватишь грипп – опять свалишься...

Сима насупился. А Кешка присел на корточки, стал смотреть. Один кораблик на суше лежит с поломанной мачтой; другой – к кирпичу приткнулся; третий – зацепился за что-то посреди лужи и поворачивался на одном месте.

– Сима, чего это корабль крутится?

– Это его гигантский кальмар щупальцами схватил...

Кешка захохотал.

– Ой, Сима... Да это же гнилая стружка, в какую яблоки упаковывают.

– Ну и что же? – тихо возразил Сима. – Все равно. – Сима сжал губы,

нахмурил лоб и сказал убежденно: – Нет, кальмар. И экипаж корабля сейчас с ним сражается.

Кешка присвистнул, засмеялся еще громче.

– Если б ты моторный корабль сделал, я понимаю. А это... – Он сплюнул в лужу и пошел под арку, но на полпути передумал, вернулся.

– Знаешь что, Сима, я все-таки с тобой побуду, ладно?

– Как хочешь, – ответил Сима равнодушно, взял дощечку и стал, как веслом, разгребать воду. От дощечки пошли волны по всей луже. Кораблик, приткнувшийся к кирпичу, закачался, задрал нос и поплыл дальше. Корабль, что в стружке запутался, подскакивал на волнах, но стружка держала его крепко. Он кренился, палубу ему заливало водой.

– Пойду домой, – наконец решил Сима.

– А корабли?..

– Они в плавании. Им еще далеко плыть.

Кешка покачал головой.

– Чудной ты!.. Брось, не ходи. Давай лучше полежим на ящиках, посушимся.

Они сняли пальто, разложили их на досках. А сами залезли в ящики из-под яблок. Лежат на спине, смотрят в глубокое, как Тихий океан, небо и молчат.

Солнышко пригревает хорошо. От Симиного пальто поднимается легкий пар. Кешка повернулся, стал смотреть на лужу. В воде отражается небо, и лужа от этого голубая. Если прищуриться да еще загородить глаза ладошкой, чтобы не видеть стен дома и сараев, то на самом деле кажется, будто лежишь на берегу спокойного утреннего моря.

– Сима, а ты на море бывал?..

– Нет. Где я раньше жил, только речка была.

Кешка скривил губы.

– А еще корабли строишь. А я, кроме Балтийского, еще на Черном был. Вот там да!.. А ты в луже каких-то кальмаров выдумал.

Сима обиделся, хотел уйти, но тут на заднем дворе появились двое: седой сутулый старик без шапки и кругленькая старушка с розовым лицом. Они вместе несли ковер.

Старушка посмотрела на лужу, сказала расстроено:

– Вот видишь!.. Безобразники, не могут люк прочистить.

– Будет тебе, Катя! – хрипло забасил старик. – Тебе, конечно, лужа. А может, для кого – океан. – Он кивнул на Симины корабли. – Ты вообще воды, кроме чая с лимоном, не признаешь, а здесь дело тонкое... – Старик пошире расставил ноги, оперся о толстую бугроватую палку. Слегка

затуманенные, как талые льдинки, глаза его смотрели на Симин флот, на кирпичные острова, на известковые мели. Потом он поднял палку и показал ею на острые обломки, торчавшие из воды.

– На острова Зеленого Мыса похожи. Голое, дрянное место... А вон подальше, – старик наклонился вперед, – видишь, вроде проливчика, горловинка... Гибралтар будто. А чуть южнее – Танжер. Я тебе этот ковер из Танжера привез. – Старик снова облокотился на свою палку и замер. Лицо его стало задумчивым.

– Ну, хватит, – тронула его за рукав старушка. – Пойдем.

Старик вздохнул.

– Да, да... Ты, Катя, ступай домой, а я ковер вот здесь на ящиках выколочу.

Старушка помогла мужу разложить ковер на куче ящиков и ушла в подворотню. Старик проводил ее немного и вернулся.

Он огляделся по сторонам, как мальчишка, который хочет созорничать, подошел к луже. Он нагнулся, подобрал Симин кораблик, поправил мачту, клетчатый парус и легонько пустил его на воду. Кораблик побежал к кирпичным островам.

Старик разгребал палкой воду, как это делал Сима, и, нагоняя кораблик, по луже покатались волны.

Сима вылез из ящика, взял свое пальто и подошел к старику сзади. Услыхав его сопение, старик вздрогнул, оглянулся.

– Ух ты!.. Думал, жена... – смущенно улыбнулся он и тронул всей пятерней обкуренные усы. – Понимаешь, не любит она моря... хоть ты что... Это твой флот, что ли?

– Мой, – кивнул Сима.

По щекам старика разошлись глубокие складки, плечи он выпрямил. Теперь палка казалась ненужной в его руках.

– Чего это шхуна у тебя дрейфует?.. Вон та... На рифы села?

– Нет, – покачал головой Сима, – это ее гигантский кальмар схватил.

Кешка подумал: «Засмеет сейчас Симу».

Но старик ничего, не засмеялся, лишь озабоченно нахмурил лоб.

– Кальмар, говоришь?.. Вот тресковая смерть. Кашалота бы сюда. Против кашалота ни один кальмар не выстоит... Я, брат, на кашалотов охотился и на финвалов. Ты вот про единорога что-нибудь знаешь?.. Нарвал называется... Бивень у него метра три длиной впереди из носа торчит. Шлюпку он, словно шилом, протыкает...

– Будет тебе, будет!.. – раздался из подворотни тихий голос.

Старик покраснел, спрятал глаза в насупленных мохнатых бровях. Под

аркой, прислонившись к стене, стояла его жена.

– Да вот, видишь, Катя, моряка встретил. Поговорить надо.

Старушка поджала губы и критически осмотрела Симу.

– Вымок-то весь, как утенок... Пойдем, что ли, чаем напою с вареньем... с малиновым.

– Гребь, гребь, – подтолкнул Симу старик. – Она только с виду сердитая. Она моряков уважает.

Сима оглянулся на ящики, хотел, наверно, позвать Кешку, но Кешка запрятался поглубже, чтобы его не заметили. Ему было очень грустно.

Когда двор опустел, он вылез из ящика, подошел к луже.

В луже отражались облака. Они бежали по опрокинутому небу. Кешке казалось, что он медленно плывет по волнам...

Мелькают острова, потрескавшиеся от солнца. Над водой дерутся поморники и альбатросы. В морской пене хищно шныряют единороги.

Что-то щекотное и теплое подступало к Кешкиному горлу, как подступают слезы, когда смотришь хороший кинофильм с хорошим концом.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ

Почти каждый день в жизни у людей случаются необыкновенные события – то у одного человека, то у другого. Такие, что даже и нарочно придумать трудно. Разве мог вообразить Кешка, что останется в квартире один, без соседей? А так случилось. Василий Михайлович – шофер – уехал на Ангару. Тетя Люся получила большую комнату от своего завода.

Пришли управхоз и дворничиха, опечатали пустое жилье.

Нет теперь у Кешки соседей, только сургучные унылые печати болтаются на дверях. Можно Кешке не только морской, но и какой угодно бой устраивать. В первые дни они с Мишкой так и делали. Чего только не вытворяли! Раньше за такие дела тетя Люся неделю прохода не давала. А сейчас кричи сколько угодно, кувыркайся, на голове ходи. Но ведь как человек устроен?.. Пустая квартира: играй, пой. Нет, не хотят, к Мишке идут. Кешка совсем от дома отбился. Появится к маминому приходу и опять за дверь – до самого вечера.

Однажды, когда Кешка обедал в кухне, ел холодный суп из кастрюли, пришли в квартиру управхоз, дворничиха, а с ними круглая старушка с белобрысой девчонкой.

– Вот вам ключи, – сказал управхоз, срывая печати с обеих комнат. – Живите. Соседи у вас хорошие, мирные. Комнаты тоже хорошие. – Он сам открыл двери, показал старушке и девчонке обои, потолки и только после этого отдал ключи. – Располагайтесь, вещички привозите. Если, скажем, машина нужна и грузчики, в нашем доме склад размещается, у них машинку прихватить не трудно. Я похлопочу.

– Спасибо, – поклонилась старушка. А девчонка начала чертить ногой на полу, будто размечала что-то.

Всего этого из кухни, конечно, не видать. Но ведь на то Кешка и главный жилец в квартире, должен он с новенькими познакомиться. Кешка вышел в коридор, прижал кастрюлю крепче к животу, отхлебывает ложку за ложкой, наблюдает. Управхоз и дворничиха ушли.

– Ой, бабушка, смотри! – вдруг крикнула девчонка. – Кто это?

– Человек, кто... – ответил Кешка. – Что, людей не видела?

– Ты в этой квартире живешь, мальчик? – поинтересовалась старушка.

– Живу.

Старушка хотела еще что-то спросить, но девчонка подтолкнула ее в бок и засмеялась.

– Смотри, как он ест. Прямо из кастрюли...

– Ну и ем, – ответил Кешка. – Так вкусней; небось не пробовала.

Он зачерпнул полную ложку гущи и, громко жуя, пошел в кухню. Для важности он еще пристукивал по дну кастрюли пальцами, как по бубну.

– Мама, у нас теперь новые жильцы, – объявил он за ужином матери. – Девчонка одна и еще старушка.

На следующий день новые жильцы переезжали. Грузчики носили тяжелые вещи – шкафы, столы, диван, пианино, много ящиков и разных узлов.

Кешка ходил по коридору, посвистывал, тыкал в узлы ботинком. Он с удовольствием помог бы, но девчонка вертелась, как заведенная, всюду попевала, указывала:

– Шкаф здесь поставьте. Диван – здесь. Вот сюда для телевизора шкафчик. Здесь книжные шкафы.

Старушка сидела на подоконнике в комнате и лишь иногда поправляла ее:

– Не сюда, Анечка, здесь кресло.

Кешку девчонка будто и не замечала. Только один раз она обратилась к нему, да и то обидно:

– Вместо того чтобы болтаться без дела, помощи. Бабушка больная, а я одна не могу... – Нужно было придвинуть к стене поплотнее туалет светлого дерева с высоким овальным зеркалом.

– Не можешь, дык и воображать нечего, – ответил Кешка с вызовом. Он уцепился за зеркало. – Давай!.. Рраз!.. Раз, два, взяли!..

Девчонка надменно посмотрела на него. А когда зеркало было установлено на место, пробормотала так, чтобы слышал один только Кешка:

– Дикарь.

– Барракуда*, – огрызнулся Кешка в ответ.

Вот так и начали завязываться Кешкины отношения с девчонкой Анечкой.

Вечером мама тоже познакомилась с новыми соседями. Они долго стояли на кухне со старушкой. Мама рассказывала о себе, о своей работе, о Кешке.

– Одичал он у меня. Я на работе целый день.

– Да, да, – кивала старушка. – Я так же своего растила. Отец продкомиссаром был. В Средней Азии погиб...

Теперь рассказывала старушка, а мама кивала.

Девчонка вела себя с большим достоинством, как взрослая.

Если есть на свете цапля с короткой шеей, то девчонка напоминала Кешке именно такую птицу. Она любила, зацепив одну ногу за другую и наклонив голову, искоса поглядывать за Кешкой. Посмотрит-посмотрит и что-нибудь скажет умное, вроде:

- Давай я на тебя буду культурно влиять.
- Попробуй только.
- Причешись, неприлично ходить лохматому.
- А тебе что за дело?
- Ненормальный...
- Барракуда!

Однажды девчонка сказала Кешке:

- Ты такой невоспитанный дикарь потому, что у тебя отца нет.
- А у тебя-то есть?

– У меня есть. Мой папа на Севере, он там важное месторождение разведывает.

Кешка ничего не ответил на это, оделся и ушел на улицу. Неприятно было на душе у него. Раньше ему никто такого не говорил. Как-то давно, еще совсем маленьким, Кешка спросил у матери про отца. Она смешалась, посмотрела куда-то поверх Кешкиной головы, потом сказала очень тихо и очень серьезно: «У тебя есть мать, Кешка... Разве тебе этого не достаточно?» По правде говоря, Кешке было достаточно и одной мамы. Он очень любил ее, слушался, насколько мог, и ни за что на свете не огорчил бы ее умышленно ничем, даже самой малостью. А если он и причинял маме неприятности, то они вдвоем всегда очень хорошо могли разобраться и всегда уступали друг другу. В общем, они хорошо ладили. Несмотря на это, слова девчонки Анечки больно кольнули Кешкино сердце. Он почему-то затосковал, как не тосковал после потасовок и других крупных неудач. Играл в этот день вяло, часто отходил от ребят, стоял, уставившись в небо. А под вечер, сидя у поленницы, спросил своих друзей, Мишку и Симу из четвертого номера:

- Скажите, а... почему у меня отца нет?

Мишка захлопал глазами, даже рот приоткрыл, но, как старший, взял себя в руки и ответил очень авторитетно:

- Это бывает... Понимаешь, бывает, что ребята без отцов растут.

– А может, у тебя отец в войну погиб, – высказал предположение Сима. – У многих ребят отцы в войну погибли. Смертью храбрых...

Кешке такой оборот дела очень понравился. Он представил себе, каким был его отец отважным, высоким, в каждой руке по гранате... Но Мишка не дал ему и помечтать даже.

– Когда же он погиб, если ты давно после войны родился?..

– А может, при самолетной катастрофе... А может, он моряк был и шторм его корабль перевернул, – продолжал фантазировать Сима.

Мишка был настроен более прозаически.

– Должно быть, они просто разошлись. Бывает такое. Не поладили – и в разные стороны.

За ужином Кешка опять спросил маму об отце. Она поставила на стол недопитую чашку чая, повертела в руках сухарик и, не отрывая глаз от него, будто в сухаре и был заключен ответ, сказала:

– Кешка, твой отец нас бросил. Не спрашивай больше о нем. Ладно?..

Кешка почувствовал, что своим вопросом он причинил маме боль. Кешка ткнул в стакан и, дыша паром и всхлипывая, пробормотал:

– Ладно. Если он такой, и нам на него наплевать.

А сам сидел и не понимал, как это можно бросить двух живых людей.

* * *

На девчонку Кешка не сердился. Чего сердиться? Она не со зла сказала, просто сумничала по своей дурацкой привычке. И все-таки Кешка не утерпел, ввернул к случаю каверзный вопросик:

– Слышь, ты... А твоя мать тоже на Севере?..

Девчонка захлопала большими ресницами и, прищлепывая нижней губой, заревела:

– Умерла ма-а-ама...

Кешка набрался смелости, дотронулся до Анечкиной руки.

– Ладно, не реви. От слез слабость в поджилках бывает.

Девчонка руки не отняла, только чаще замигала, отчего с ее ресниц на Кешкину щеку полетели теплые брызги.

После этого случая у них временно установился мир. Кешка иногда подсовывал девчонке грязную посуду, когда она мыла свою. Но девчонка была хитра и свою посуду отлично знала.

– Чего тебе, жалко вымыть, да?..

– Чтобы ты совсем в лодыря превратился?.. Ишь какой!..

Девчонкина бабушка часто рассказывала о своем сыне. Приносила Кешкиной маме его фотокарточки, читала его веселые, немножко озорные письма и говорила:

– Лохматый он у меня немножко... Хороший...

Девчонка давала Кешке интересные книжки: у нее их было по крайней

мере штук сто. Кешка точил девчонке ножи, помогал натирать пол. Между ними установилось нечто вроде молчаливого договора.

Никто из двух высоких сторон не лез в запретные области. Этими запретными областями были родители. Девчонка первая нарушила договор.

Как-то к маме пришел сослуживец, они посидели, попили чаю и отправились в кино.

– Это кто?.. Жених к твоей маме приходил?

Кешка даже не понял сразу. Потом побагровел и двинулся на девчонку.

– А ну, повтори.

– Жених... – испуганно повторила девчонка.

Кешка потянул ее сразу за обе косы. Пригнул ее голову к столу и постучал о клеенку.

– Я тебе дам жених!.. Это просто мамин знакомый. А ну говори за мной: зна-ко-мый...

– Жених! – ревела девчонка.

Их разняла девчонкина бабушка. Сначала она напустилась на Кешку: «Как тебе не стыдно девочку обижать?!» Но, узнав, в чем дело, поддала своей внучке: «Слишком умная стала... Марш домой!» Она увела девчонку в комнату и еще долго бушевала там. А Кешка пошел во двор.

– Мишка, как ты думаешь, к маме разные знакомые ходят... это женихи, значит?

Мишка обстоятельно обдумывал ответ. Он заметил, что с недавних пор Кешку стали мучить какие-то глупые вопросы. Но ведь и на них отвечать нужно, потому что именно такие вопросы чаще всего портят настроение и мешают жить людям. Уж Мишка-то это знал...

– Не все женихи, – заговорил он осторожно, – но, конечно, и женихи тоже бывают. Без них нельзя. Пустяковый народ, ты на них не обращай внимания.

Но как раз после этого разговора Кешка и стал обращать внимание на то, что раньше его совсем не волновало.

Знакомых у мамы было много: с завода, из вечернего института, и мужчины, и женщины. Женщины, конечно, не в счет. А из мужчин Кешка выделил троих. Когда кто-нибудь из них приходил, Кешке хотелось кричать: «Мама, гони его – это жених!» Первый входил в комнату широко, как в свою. Трепал Кешку по голове и говорил с ним, как со взрослым: «Здорово, брат!.. Ну, как твои дела?.. Что сейчас изобретаешь, куда двигаешь?.. Может, у тебя в деньгах затруднение, не стесняйся – чего-нибудь придумаем, сообразим... То-то, брат Кешка, мы ведь мужчины».

Кешка денег не брал, мужчиной тоже не считал себя. И не любил,

когда с ним разговаривали вот так, словно с приятелем. «Чего выламываются, будто я уж такой маленький, не понимаю?»

Второй отличался тем, что обязательно приносил Кешке подарки – конфетки, книжки – и называл его «детка», «хороший мальчик», «Кешка дорогой»...

Третий совсем не обращал внимания на Кешку. Он смотрел на него, как на пустое место. Морщился слегка, когда Кешка все же попадался ему на глаза.

Первого и второго Кешка презирал. Третьего ненавидел. Ни одного из троих он не мог представить своим отцом.

– А тебя и не спросят, – говорил Мишка.

– Я тогда из дома убегу.

– Брось чепуху молоть. Поймают, дадут, сколько надо, – и успокоишься.

Рассматривая журналы или книжки, Кешка подолгу останавливался на военных картинах и фотографиях. «Вот такого бы отца», – шептал он, вглядываясь в бесстрашные лица партизан и солдат. Кешка даже вырезал из «Огонька» портрет Героя Советского Союза Ивановского и прикрепил его кнопками над оттоманкой.

Однажды, когда Кешка сидел дома, рисовал в тетрадке танки и самолеты, в комнату постучала девчонка.

– Кешка, к вам гости... Фу, невежа, иди встречай.

Но встречать Кешке не пришлось. В комнату уже входил высокий военный, в длинной шинели с авиационными погонами.

«Раз, два, три... – Три больших звезды насчитал Кешка. – Полковник».

– Можно? – спросил военный.

– Можно...

Полковник поздоровался с Кешкой, поинтересовался, где мама, и попросил разрешения подождать ее. Говорил он просто. Самую малость заикался и тянул слова. Кешку он разглядывал с нескрываемым интересом.

– Большой ты уже.

– Ага, – подтвердил Кешка.

Полковник сел на оттоманку. Повернул голову, отчего шея под тугим воротничком покраснела, и стал разглядывать портрет Героя Советского Союза Ивановского. А Кешка, не переставая рисовать свои танки, искоса поглядывал на гостя. Через всю щеку у полковника тянулся розоватый прямой шрам. Плечи у него были широкие и грузные, как у борца.

– Это что же, твой родственник? – спросил наконец полковник.

– Нет. Я его просто так повесил. Он очень храбрый, наверно. – Кешка

покраснел, отвернулся к окну.

– Он очень храбрый, – подтвердил полковник. – Он был моим командиром полка в войну.

Несколько минут оба молчали. Полковник наклонился, оперся локтями о колени и так сидел, чуть склонив голову. Наверно, вспоминал своего командира.

Кешка кусал карандаш; он никак не мог собраться с мыслями и выпалил невпопад:

– Вы заикаетесь, да?..

Полковник смутился, засмеялся тихо.

– Да, да... в-видишь, немножко.

А Кешка ерзал от неловкости. «Нужно что-нибудь хорошее сказать, вот бахнул, не подумав».

– А рисовать вы умеете?

Полковник смутился еще больше.

– Когда был мальчишкой... вот вроде тебя, рисовал... Но все больше самолеты да кавалерию. Чапаева...

– И я самолеты рисовать люблю, – восторженно воскликнул Кешка. – Реактивные больше... Во, смотрите...

Полковник подошел к столу и нагнулся над Кешкой.

Когда пришла мама, в комнате было накурено. Ее сын и высокий, широкоплечий военный, склонившись над альбомом, старательно выводили бомбардировщик новейшей конструкции, каких еще и в воздухе не летает, а если и будут летать, то по меньшей мере лет через десять.

– Мама, смотри, какого бомбардировщика мы изобрели! – бросился к ней Кешка.

Мама стояла, теребила косынку и удивленно смотрела на гостя. Сердце у Кешки сжалось. Он осторожно положил свой альбом на оттоманку, сунул три пальца в рот, прикусил их и так стоял.

– Здравствуйте, – глухо сказал полковник. – Извините, что я так, без разрешения...

– Здравствуйте, – ответила мама. – Но как вы нашли?..

– В Ленинграде это не трудно. – Полковник наклонил голову и теперь смотрел на маму чуть-чуть исподлобья. В глазах его и вокруг глаз, в тонких белых морщинках, притаились тревога и ожидание.

– Кешка, ты уже познакомился? – с непривычной поспешностью справилась мама. – Это Иван Николаевич, мой старинный приятель. Еще когда тебя не было... – Мама запнулась, махнула рукой, сказала: «Впрочем, неважно», – принялась расспрашивать гостя. С обеих сторон так и

сыпалось: «Что? Как? Где? Когда?..»

А Кешка стоял у оттоманки, глядел на бомбардировщик новейшей конструкции, и на бумагу, в то место, куда предполагалось накидать бомб, падали частые соленые капли.

Через час гость стал прощаться. Он попросил разрешения прийти еще раз. Кешка с волнением ожидал, что ответит мама. Она сказала:

– Конечно, приходите. Я очень рада, что вы не забыли меня.

– Приходите, – напомнил в дверях Кешка. – Обязательно приходите.

Так появился в Кешкиной жизни Иван Николаевич, человек, которому Кешка отвел особое место в числе маминых знакомых. Иван Николаевич пришел и на следующий день. Он принес билеты в театр.

– Вот, Елизавета Петровна, у меня тут два билета, если хотите, возьмите их... Сходите в театр с подругой.

– А вы разве не можете? – спросила мама. В ее глазах Кешка заметил лукавые смешинки.

Иван Николаевич засмеялся:

– Могу, Елизавета Петровна.

Полковник стал приходить к ним часто. Кешка очень радовался его приходу, встречал его шумно, изо всей силы жал большую, с узловатыми венами, руку. Он ждал этого человека. Кешке было приятно выйти на кухню и, свысока поглядывая на девчонку Анечку, рассказать, какой Иван Николаевич храбрый летчик, что он летает на реактивном бомбардировщике со скоростью звука и даже больше, что он командует целым авиационным полком. Рассказывал Кешка и старушке, Анечкиной бабушке. Та делала удивленные глаза, восклицала: «Да что ты говоришь?!» – притягивала Кешку к себе, трепала ему вихры, и Кешка не сопротивлялся.

Однажды Кешка пришел с улицы и застал дома такую картину: мама стояла у окна, а Иван Николаевич, нахмутив лоб, ходил по комнате и курил, часто затягиваясь.

Кешка обомлел: «Поругались, наверно». Он тихонько разделся и молча забился в угол между печкой и оттоманкой.

Иван Николаевич, словно вспомнив что-то, засобирался.

– До свидания, Кешка. До свидания, Елизавета Петровна. Я вас не тороплю, подумайте. Эх, да что там!.. – Махнув рукой, он вышел порывисто, но дверью не хлопнул, аккуратно прикрыл ее, словно боялся, что оторвет маму от каких-то раздумий.

– Поругались? – тихо спросил Кешка. И, заранее боясь, что мама ответит положительно, переспросил: – Не поругались, нет?

– Нет, – задумчиво проговорила мама. – Иван Николаевич предложил

мне выйти за него замуж. Он скоро уезжает. На днях уезжает в Германию... в свою часть.

– И ты не согласилась? – Кешка соскочил с оттоманки, бросился к матери. – Неужели не согласилась?..

Мать удивленно посмотрела на него.

– Тебе он нравится?

Кешка кивнул. А ночью он вздыхал, ворочался. Он видел, как идет по улице за руку с Иваном Николаевичем. Все прохожие с уважением поглядывают на них. Гордость волной заливала Кешкино сердце, и он улыбался. Потом тревога стискивала Кешкину грудь. Он поджимал колени к подбородку. Замирал. Слушал... В комнате тихо. Но он знал – мать не спит. Мать тоже думает. И Кешка старался угадать таинственные и непонятные пути, по которым текут мысли взрослых.

Следующий день был переполнен мучениями. Мама ушла чуть свет, так и не сказав Кешке, что она думает. Девчонка Анечка умненько посматривала на Кешку из-под своих длинных ресниц.

Мишка и Сима во дворе отозвали Кешку в сторонку.

– Ты чего такой?

От них Кешка, конечно, ничего не скрыл. Все рассказал и даже поделился своими опасениями.

Сима все на свете видел в хороших тонах. Он сразу же уверил Кешку, что будет полный порядок.

– Кешка, может, он и нас на самолете прокатит, ты поговори.

Мишке тоже казалось, что все кончится хорошо.

– Что ты!.. Такой человек... Полковник!.. Непременно согласится!..

Вечером пришел Иван Николаевич. Лицо у него было спокойное, даже немного суровое. Только по сцепленным за спиной пальцам да по сведенным к переносице бровям было заметно, что он волнуется.

– Кешка, поди-ка погуляй, – предложила Кешке мама.

Кешка посмотрел на нее такими просящими глазами, что она не выдержала и отвернулась. Иван Николаевич опустил голову и еще крепче сцепил за спиной пальцы.

Кешка вышел на лестницу, постоял немного, облокотясь о перила, и уселся на ступеньку. Какое уж тут гуляние! Он сидел долго, прислонив к перилам голову. А когда снова пришел домой, мама накрывала на стол. Иван Николаевич стоял у оттоманки и смотрел на портрет героя. Сердце у Кешки упало.

Иван Николаевич смотрел на портрет тяжело, упорно. Жилка у виска, чуть повыше розового шрама, вздувалась и опадала. Ему, наверно, было

очень тяжело. Он глянул на вошедшего Кешку и безнадежно качнул головой – мол, плохи дела, Кешка. Мать заговорила, обращаясь больше к Кешке, чем к Ивану Николаевичу:

– Вот пришел ваш единомышленник. Спит и видит вас.

– Я его тоже вижу. Ну что ж, не повезло нам... – Полковник повернулся к Кешке и, усмехнувшись одними губами, сказал: – Кешка, я второй раз прошу твою маму выйти за меня замуж. Первый раз – когда тебя еще и на свете не было... Второй раз – сейчас.

– Не согласилась, – пробормотал Кешка убито и впервые подумал о маме с неприязнью: «И чего ей надо?.. Почему?» Он знал, что ни мама, ни кто другой не ответят ему. А если он и будет настаивать, то просто наговорят ему всяких непонятных слов. Кешка думал: «Вот Иван Николаевич сейчас возьмет шинель и уйдет». Но полковник остался.

Когда мама разливала чай, рука у нее чуть заметно дрожала. Она пролила заварку на скатерть и отругала Кешку за то, что он не может как следует подставить стакан.

– Когда вы уезжаете? – спросила мама Ивана Николаевича.

– Завтра ночью. В Москву сначала. – Иван Николаевич смотрел в свой стакан, не пил. – Я вам все же пришлю письмо с моим адресом, Елизавета Петровна. Я понимаю, все так быстро. Но, может быть, пройдет время, и вы решитесь...

«Решится! – хотел было крикнуть Кешка. – Я ее уговорю!» Но мама опередила его.

– Хорошо, – сказала она, – я буду ждать ваших писем.

Иван Николаевич ушел, даже не прикоснувшись к чаю. На пороге он крепко пожал Кешкину руку.

– До свидания, Кешка.

На другой день, после школы, Кешка держал совет с приятелями – с Мишкой и Симой. О чем они там договорились, никто так и не узнал. Вечером, часов около пяти, он стоял в вестибюле Северной гостиницы, прятал за спину маленький узелок и робко спрашивал у портье:

– Скажите, где здесь тридцать второй номер?

– Второй этаж, налево... за пальмой, – равнодушно ответил пожилой толстый администратор. – Иди, тридцать второй сейчас дома.

Кешка робко постучал в светлую дверь. Ручка шевельнулась, и со словами «да, да» в коридор вышел Иван Николаевич.

– Кешка!.. Ты что? – Он схватил Кешку за плечи, втащил его в номер. – Что случилось?!

Кешка стоял, уставившись в пол. Он успел заметить две кровати,

покрытые мохнатыми одеялами, вишневыми, письменный стол, обеденный и две тумбочки. Около одной кровати на стуле стоял раскрытый чемодан.

– Кешка, ну?.. Мама согласилась?.. Почему она сама не пришла, не позвонила?..

– Нет, – пробормотал Кешка. Он прижался к Ивану Николаевичу и прошептал тихо: – Я с вами поеду.

Иван Николаевич опустился на кровать. Кешка доверчиво положил на его колени свой узелок.

– Как ты меня нашел? – наконец спросил Иван Николаевич, опустив на Кешкину голову свою большую ладонь.

– Я-то?.. Дак вы же говорили маме, где остановились. А у меня память ужасно крепкая. Мы с вами проживем вместе, а потом мама сама к нам приедет. Мы ей даже письмо можем написать, чтоб не волновалась.

Рука Ивана Николаевича опустилась на Кешкино плечо. Глаза его были добрые и грустные. Он шевелил бровями, раздумывая над чем-то, потом вздохнул и сказал:

– Ты знаешь, что такое запрещенный удар?

– Знаю. Ниже пояса, в спину и по почкам.

– Точно... То, что ты предлагаешь, тоже запрещенный удар по твоей маме... Нельзя нам с тобой вместе ехать, если она не согласна.

– А я-то ведь согласен, – еще тише прошептал Кешка.

Иван Николаевич встал, заходил по комнате.

– Да взял бы я тебя, Кешка, дорогой ты мой... Но ведь я права на это не имею. Мне ведь твоя мама вовек не простит... Понимаешь ты, Кешка? – Он сел на стул и поставил Кешку между своими коленями. – Понимаешь?

– Понимаю.

Но он ничего не понял. Ведь все так просто. Кто же их может осудить, если они вместе уедут? Даже мама не может.

– Я тебе письма писать буду, – говорил тем временем Иван Николаевич, – и ты мне отвечай. А на будущий год я приеду. – Он подтянул Кешку поближе к себе. – Только ты к маме не приставай, не проси за меня, ладно?

Это Кешка понял и одобрил. Иван Николаевич гордый.

Кешка посмотрел на раскрытый чемодан, и ему очень захотелось плакать.

– Когда вас сюда ранили, – Кешка дотронулся до шрама, – больно было?.. И вы, наверное, не плакали.

Иван Николаевич засмеялся тихо, откинулся на спинку стула и тепло посмотрел на Кешку.

– Нет, Кешка, не плакал... Я пел тогда. Пел песню про партизан. Знаешь?.. «Шли лихие эскадроны...»

– Знаю, – улыбнулся Кешка. Он взял свой узелок и протянул Ивану Николаевичу руку.

– До свидания.

Иван Николаевич поднялся.

– Нет, нет... Подожди, Кешка, так нельзя. Давай в буфет сходим, выпьем на прощание лимонаду, что ли...

Кешка не возражал. Ему было все равно теперь.

Они сели за столик у самого окошка. На улице с крыш капала вода. Из дверей метро выходили люди, некоторые в пальто нараспашку, потому что уже была большая весна и из мокрой земли на газонах проглядывала реденькая бледная зелень. Они выпили лимонаду. Иван Николаевич напихал в Кешкины карманы конфет и апельсинов и пошел проводить его до автобусной остановки. Он махал Кешке рукой. Кешкино лицо за мокрым стеклом казалось сморщенным, беззащитным. И может быть, поэтому Иван Николаевич бежал вслед за автобусом, пока тот не набрал скорость и не ушел на середину Невского.

Мама уже была дома, когда Кешка явился. Узелок он оставил у Симы, чтобы избежать расспросов.

В квартире чувствовалось оживление. Девчонка Анечка бегала по коридору с мохнатым полотенцем. Она приплясывала и пела:

– Кешка, Кешка, мой папа приехал, э!..

– Толя, познакомься, вот наш главный сосед! – крикнула старушка в ванную.

Оттуда вышел белоголовый мужчина с синими, как у Анечки, глазами. Он взял полотенце, вытер руки.

– Здравствуй.

– Здравствуйте – ответил Кешка и вяло пожал протянутую ему руку.

Старушка и девчонка ничего не заметили, а мужчина осторожно спросил:

– Подрался, может?.. Или что?..

– Подрался...

Кешка, не снимая пальто, протопал в комнату и сунулся лицом в свою верную оттоманку. Кто-то тяжелый сел рядом с ним. Кешка плотнее забился в угол оттоманки. Человек сидел молча, потом тихо поднялся, ушел.

Анечкин отец наполнил квартиру деловитостью и весельем. В квартире постоянно толпились геологи. Они приносили материалы

разведок, образцы, доклады, оглушали рассказами о своем «железном» Севере. Мама теперь часто бывала у соседей, помогала Анечкиному отцу проверять какие-то расчеты. А Кешка целыми днями пропадал во дворе.

Весна развернулась, окрепла и незаметно уступила город лету, нежаркому, ленинградскому, но все-таки лету. Ребята со двора разъехались по дачам. Уехал и Кешка. Уехал он в пионерский лагерь сразу на три смены. Мама принесла из завкома путевки.

– Вот, Кешка, поживешь в лагере, поправишься, окрепнешь.

Лето было дождливым, но веселым. И мама приезжала в родительские дни тоже очень веселая, какая-то улыбчивая, какой он не видел ее уже давно.

Дни иногда тянутся долго, а сроки приходят незаметно. Подошел срок и лагерю уезжать в город.

Мама Кешку на вокзале не встретила. Всех ребят разобрали, а он и дожидаться не стал. Сел на трамвай и покатил домой.

Открыла ему девчонка Анечка.

– Лохматый-то, – сказала она ему, – грязный...

Кешка молча прошел в свою комнату, сбросил рюкзак, сандалии. На небольшом столике, где Кешка готовил уроки, лежали стопки чистых тетрадей и новые учебники. Еще на столе лежал синий конверт с иностранной маркой. От Ивана Николаевича!.. Кешка схватил письмо, сунул его под майку и так заволновался, что побежал на кухню мыть руки. Письмо он хотел прочитать в одиночестве, неторопливо. Он все время прижимал его локтем.

Кешка вытерся кухонным полотенцем и стал разогревать обнаруженные в кастрюле макароны.

– Масло-то положи, – сказала ему девчонка Анечка. Она вошла в кухню, как ее бабушка, в теплом платке.

Кешка не ответил. Тогда она взяла масло из своей масленки и положила его на сковородку.

– Ты чего мне своего суешь?.. Очень надо! – возмутился Кешка. – Где моя мама?..

Девчонка села на табурет и, глядя на стену, пробормотала:

– Дикарь, они тебя встречать поехали. Они поженились.

– Чего? – надвинулся на нее Кешка.

– Поженились, говорю... мой папа и твоя мама.

Макароны горели. Кухня наполнялась смрадом. А Кешка сидел не двигаясь, прижав к голому боку синий конверт.

notes

*

Хищная рыба, водится в южных морях.